Мозгов С. Е.

Война за Австрийское наследство

Часть I
Война из-за уха Дженкинса

16+

Сергей Мозгов

Война за Австрийское наследство. Часть 1. Война из-за Уха Дженкинса

«Автор»
2021

Мозгов С. Е.

Война за Австрийское наследство. Часть 1. Война из-за Уха Дженкинса / С. Е. Мозгов — «Автор», 2021

Война из-за уха Дженкинса, начавшаяся в далеком 1739 году, – это мало кому известная война между двумя старыми колониальными соперниками – Англией и Испанией. Она является частью общеевропейской войны за Австрийское наследство 1739–1740 гг. В книге дается подробное описание военных действий как в Вест-Индии, так и в Европе, а так же рассказывается об экспедиции коммодора Джорджа Энсона в Тихий океан и захвате знаменитого манильского галеона.Книга написана на основе материалов, взятых из иностранных источников, никогда не публиковавшихся на русском языке. Она является первой частью серии из планируемых пяти книг, посвященных войне за Австрийское наследство.

© Мозгов С. Е., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Начало войны. 5
Глава 1 5
Зарождение конфликта. 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Объявление войны. Планы сторон. 16
Глава 4 20
Захват англичанами Порто-Бело. 20
Кампания 1740 года. 28
Глава 5 28
Дальнейшие операции в Вест-Индии. 28
Действия Вернона 28
Нападение англичан на Флориду 31
Глава 6 34
Действия средиземноморской эскадры 34
Известие о победе Вернона 36
Захват испанского корабля “ 37
Глава 7 41
Дипломатическая борьба. 41
Испано-французские переговоры о союзе 41
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Сергей Мозгов
Война за Австрийское наследство.
Часть 1. Война из-за Уха Дженкинса

Начало войны.

Глава 1

Зарождение конфликта.

… Погоня продолжалась уже более часа. Корабль испанской береговой охраны вел преследование неизвестного брига, обнаруженного им у северо-западного побережья Кубы. И хотя на беглеце не было поднято никаких опознавательных знаков, капитан корабля Жуан де Леон Фандиньо не сомневался, что это был британский торговец, занимавшийся контрабандной торговлей в здешних водах, как и большинство его соотечественников.

Расстояние до беглеца заметно сокращалось. Тяжело груженый торговец явно уступал в скорости испанскому кораблю, предназначенному для лихих абордажей.

Фандиньо предвкушал легкую победу – ни один торговец не мог противостоять кораблю береговой охраны, вооруженному 16 – 20 пушками, (включая пушки на вертлюгах). Его люди – около 80 человек – тоже были настроены весьма решительно. За каждого захваченного контрабандиста после продажи судна и его груза они получали неплохие «призовые».

Дистанция между судами продолжала уменьшаться. На повторный сигнал остановиться торговец не реагировал, надеясь, видимо, на чудо или появление британских военных кораблей. Но ни того, ни другого не произошло.

Наконец, наметанный глаз капитана определил, что пора уже пустить в дело свои погонные пушки. Приказ «открыть огонь» был отдан и канониры, только и ожидавшие этого момента, разрядили два носовых орудия по убегавшему судну. Два фонтанчика воды, вздыбившиеся вблизи борта беглеца, показали, что он не ошибся с определением расстояния.

Но британца это не остановило. Более того, он пытался отстреливаться из своих кормовых пушек. Это только еще больше раззадорило испанцев. Они снова и снова разряжали свои орудия, целя в такелаж и рангоут судна, стараясь не повредить корпус корабля – ведь его еще нужно было продать.

Их упорство было вознаграждено. Беглец, после непродолжительного боя, спустил паруса и в ожидании своей участи лег в дрейф. Капитан Фандиньо, подойдя к очередному «призу» ближе, смог прочитать на его корме название – «Ребекка» (“Rebecka”).

Закрытость обширных американских владений Испании для иностранных торговцев и одновременно неспособность метрополии самостоятельно насытить свои колонии промышленными товарами привело к развитию в невиданных масштабах контрабандной торговли, основным очагом которой стала Вест-Индия. Карибы буквально кишели контрабандистами всех мастей и оттенков, большинство из которых составляли выходцы с Туманного Альбиона. Для борьбы с ними испанское правительство создало специальную флотилию береговой охраны – гуарда-косту (guarda-costas) – состоявшую из небольших, но быстроходных и хорошо воору-

женных судов. Владельцы этих судов были, как правило, частные лица, получившие патент на такого рода деятельность[1].

По договору 1713 года Гуарда-коста получила право останавливать в море иностранные торговые корабли и проверять их судовые бумаги для выяснения вопроса – занимаются они контрабандой или нет. И испанцы широко и бесцеремонно пользовались этим правом. Корабли гуарда-косты, получая щедрое вознаграждение за каждое задержанное судно, уличенное в незаконной торговле, без устали рыскали по просторам Карибского моря в поисках добычи. Они не ограничивались проверкой одних только документов, как то предусматривалось договором, а осматривали весь корабль. И если на его борту находили хотя бы небольшое количество товара, который подпадал под определение «контрабандный», судно задерживалось и вместе с грузом конфисковывалось в пользу испанской короны. Зачастую береговая охрана и с честными торговцами поступала так же, как с теми, кто занимался запрещенным промыслом, если встречала их в так называемых «подозрительных широтах», то есть в районах, где торговые корабли попадали под подозрение в ведении незаконной торговли.

Список жертв гуарда-косты постоянно пополнялся. Далеко не всегда торговцы, а тем более контрабандисты, смиренно отдавали себя в руки береговой охраны в надежде на правосудие и заступничество британских властей. Некоторые отчаянные головы больше полагались на свою удачу, быстроту судна и мощь его пушек. И тогда волны Флибустьерского моря, давно привыкшие к орудийному грохоту и лихим абордажам, становились немыми свидетелями очередной схватки между подданными его британского величества и испанского короля.

По данным британского правительства с 1713 по 1731 год испанцами в Вест-Индии было конфисковано порядка 180 английских торговых кораблей. В последующие годы взаимных претензий меньше не стало. Контрабанда, с одной стороны, и пиратство, с другой, продолжались, что серьезно осложняло отношения между Англией и Испанией.

В октябре 1737 года Георгу II была подана петиция от торговцев, требовавших добиться от Испании возмещения понесенных убытков и отмены унизительного права на осмотр британских торговых судов.

Парламентская оппозиция не замедлила воспользоваться негативной реакцией общественности на беззакония, творимые испанцами в вест-индских водах. Спекулируя на недовольствах торговцев, пострадавших от действий гуарда-косты, она предприняла в начале 1738 года активное наступление на своих политических противников, чтобы в очередной раз попытаться сокрушить кабинет вигов во главе с премьер-министром Робертом Уолполем, бессменно находившимся у власти уже 17 лет (с 1721 г.).

В марте 1738 года перед Палатой Общин предстал некий Роберт Дженкинс, назвавшийся капитаном торгового брига «Ребекка». Он поведал парламентариям душещипательную историю о том, как 7 лет назад, в апреле 1731 года, его судно было захвачено испанским кораблем береговой охраны[2]. Дженкинс не скрывал, что, будучи обнаруженным у берегов Кубы, он не выполнил требование гуарда-косты остановиться для досмотра и оказал ей вооруженное сопротивление. Но силы были неравны, и после короткого боя он вынужден был сдаться.

В отместку за неповиновение испанский капитан, поднявшись со своими людьми на палубу «Ребекки», кипя злобой и ненавистью ко всем англичанам, подошел к Дженкинсу и на глазах у застывших от ужаса матросов отрезал ему ухо. В качестве доказательства своих слов рассказчик достал из кармана белую тряпицу и, развернув ее, показал изумленным членам парламента отрезанное ухо. «Испанец швырнул мне его в лицо и велел отнести моему

[1] Право запрещать иностранцам торговать со своими колониальными владениями было признано всеми державами.

[2] Вопрос: чего Дженкинс ждал 7 лет?

королю, – сказал капитан. – При этом он пообещал, что и с его величеством сделает то же самое, если представится удобный случай».

Взрыв негодования потряс стены парламента, заглушив последние слова Дженкинса. Сменяя друг друга, ораторы от оппозиции обвиняли правительство в бездеятельности и предательстве национальных интересов страны. Раздались призывы покончить с произволом испанской гуарда-косты и потребовать у Мадрида компенсации за нанесенный материальный ущерб.

«Разве мы какая-нибудь третьеразрядная нация, чьи права и достоинство можно безнаказанно попирать»? – с гневом в голосе вопрошал мало кому тогда известный тридцатилетний Уильям Питт, призывавший наказать зарвавшихся испанцев.

С большим трудом Уолполю удалось тогда погасить вспышку праведного гнева парламентариев, пообещав им начать с Испанией переговоры по урегулированию всех спорных вопросов, касавшихся торговли в Новом Свете.

Нельзя сказать, что до этого кабинет Уолполя никак не реагировал на жалобы своих торговцев. Еще в январе 1738 года, вскоре после получения петиции, было принято решение усилить британское присутствие в Карибском море, для чего на Ямайку в середине марта была отправлена эскадра из 2 кораблей и 3 фрегатов[3] под командой коммодора Чарльза Брауна.

Браун должен был обеспечить безопасность английских торговцев в тех районах, где инциденты с испанской береговой охраной случались чаще всего, особенно в Наветренном[4] и во Флоридском проливах. В случае встречи с кораблями гуарда-косты Браун получил прямое указание захватывать их и вести в свой порт.

Находившиеся на тот момент на Ямайке суда – “Dunkirk” (60), “Kinsale” (40) и шлюп “Drake” – коммодор мог оставить себе, если найдет их состояние пригодным для службы, в противном случае он должен был отправить их домой. Получили предписание следовать на Ямайку и суда из состава Западно-африканской эскадры: “Falmouth” (50), “Diamond” (40) и шлюп “Spence”, которые также поступали в распоряжение Брауна.

Таким образом, к маю 1738 года в вест-индских водах собрались довольно внушительные силы англичан, в результате чего гуарда-коста заметно снизила свою активность. За весь 1738 год она не задержала ни одного торгового судна, ходившего под флагом Соединенного королевства.

Между тем, британское правительство выставило Мадриду счет на сумму в 343 тысячи фунтов стерлингов, которые испанцы должны были выплатить британским торговцам за нанесенный гуада-костой материальный ущерб. Для силового подкрепления своих финансовых требований в мае из Спидхеда в Средиземное море была направлена эскадра из 9 линейных кораблей и 2 фрегатов[5] под командой контр-адмирала Николаса Гэддока.

Помимо желания оказать давление на мадридский двор, в Лондоне посылкой эскадры преследовали еще одну цель. Там весьма опасались за свои недавние приобретения, полученные по Утрехтскому договору – Гибралтар и остров Менорка.

В феврале 1727 года испанцы попытались вернуть себе Гибралтар, совершив нападение на крепость без формального объявления войны. Пятимесячная осада, однако, не принесла им успеха, так как на море безраздельно господствовал британский флот, который оказывал гарнизону всемерную поддержку, подвозя ему подкрепления, боеприпасы и продовольствие, а также ведя антибатарейную борьбу.

---

[3] “Hampton Court” (70), “Windsor” (60), “Anglesea” (40), “Torrington” (40), “Sheerness” (20).

[4] Пролив между Кубой и Гаити

[5] “Somerset” (80), “Edinburg” (70), “Dragon” (60), “Lancaster” (80), “Ipswich” (70), “Berwick” (70), “Plymouth” (60), “Canterbury” (60), “Jersey” (60), “Solebay”(20), ‘Alborough”(20) – Richmond т.1, стр.8

Теперь, когда отношения с Испанией обострились, не было никакой уверенности, что Мадрид не захочет проделать нечто подобное и с Меноркой.

Коммодору Джорджу Клинтону, стоявшему с эскадрой в Порт-Магоне на Менорке, было приказано повысить бдительность, чтобы не быть застигнутым врасплох. Однако возможности Клинтона были более чем скромные. Он располагал всего лишь одним линейным кораблем “Gloucester” (50) и шестью мелкими судами[6]. Отразить с этими силами серьезное покушение на остров было бы весьма проблематично, учитывая возросшую мощь испанского флота. Эскадра Николаса Гэддока должна была обеспечить безопасность Менорки, являвшейся важной военно-морской базой англичан.

Помимо этого адмирал должен был присматривать за Гибралтаром, заботиться о безопасности своих торговцев, требовать возврата любых захваченных британских судов, и если в этом будет отказано, атаковать испанских захватчиков, будь то капер или королевский корабль.

Появление эскадры Гэддока у испанских берегов (она крейсировала между Гибралтаром и Картахеной) вызвало настоящий переполох в Мадриде. Там не сомневались, что Англия настроена весьма решительно, чтобы отстаивать свои требования.

Со своей стороны, король Испании Филипп V также имел немало претензий к британскому правительству. В 1713 году он согласился на передачу Англии, так называемого, Асьенто – монопольного права на ввоз в испано-американские колонии негров-рабов сроком на 30 лет. (До этого Асьенто было закреплено за Францией). Договор предусматривал, что торговля рабами должна была вестись через единственный порт – Картахену-де-Индиас – после уплаты соответствующих торговых пошлин. Но британские торговцы, дабы уклониться от законных платежей, лишь малую часть привезенных из Африки рабов продавали через указанный порт. Основная же масса живого товара реализовывалась в других местах, минуя фискальные органы, и тем самым лишая испанскую корону значительной доли своих доходов.

Об английских контрабандистах, которые подрывали монополию Испании на торговлю со своими колониями и сильно били по ее бюджету, мы уже говорили.

Еще одним раздражающим для Мадрида фактором стало основание в 1733 году на, так называемой, «ничейной земле», являющейся буфером между испанской Флоридой и британской Южной Каролиной, новой 13-ой британской колонии – Джорджия. Своим рождением она обязана бывшему офицеру британской армии полковнику Джеймсу Оглторпу (Oglethorpe), который и стал ее губернатором. Испания требовала ликвидировать колонию, но Лондон, на словах признавая незаконность этого шага, отказался оставить новоприобретенные территории.

Тем не менее, Его Католическое Величество совершенно не горел желанием воевать с Англией, по крайней мере, сейчас, не имея союзников. Поэтому он волей-неволей согласился на предложенные Уолполем переговоры.

(В то же время, не полагаясь на их благоприятный исход, испанское правительство предприняло меры по приведению армии и флота в боевую готовность).

Переговоры открылись в Лондоне и проходили под непосредственным руководством Уолполя. Общий язык находили с трудом. Выказывая жест доброй воли, английская сторона согласилась уменьшить предъявленную первоначально сумму компенсации до 200 тысяч ф. ст. Затем, во время многочисленных встреч полномочных представителей, указанная сумма еще несколько раз менялась в сторону уменьшения. Но до соглашения дело не доходило. Испанцы с большой неохотой шли на какие-либо уступки. Лишь пребывание у берегов Испании эскадры

[6] Фрегаты “Eltham” (40), “Greyhound” (20), “Dursley” (20), “Gibraltar” (20), “Dolphin” (20), шлюп “Grampus” (14).

Николаса Гэддока, за которой маячили главные силы Ройял Неви, делало мадридские власти сговорчивее, что позволило, в конце концов, прийти к некоторому компромиссу.

14 января 1739 года в Эль Пардо – одном из загородных дворцов Его Католического Величества – была подписана конвенция, согласно которой Мадрид обязался выплатить вест-индской кампании 95 тысяч ф. ст. Эта сумма должна была быть выплачена в течение 4 месяцев после ратификации конвенции. Кроме того, Испания обещала пересмотреть методы борьбы с контрабандной торговлей.

Уолполь чувствовал себя триумфатором. Ему удалось, как тогда казалось, пресечь на корню зарождавшийся англо-испанский конфликт, не допустив его перехода в горячую стадию.

9 февраля контр-адмиралу Гэддоку было приказано возвращаться с эскадрой в Англию. Однако немедленно выполнить это распоряжение адмирал не мог. Его потрепанные зимними штормами корабли выглядели не самым лучшим образом. А потому сначала он решил сделать заход на Менорку для проведения необходимого ремонтных работ. Только в апреле Гэддок смог снова выйти в море. Но с возвращением домой пришлось повременить.

В Гибралтаре адмирала ждал новый приказ министерства, предписывавший ему оставаться на Средиземном море еще на неопределенное время.

Оказалось, что рано Роберт Уолполь и его сторонники праздновали победу. Испанское правительство тянуло с ратификацией конвенции, заявляя, что она была навязана Испании под угрозой применения силы. Мадрид требовал пересмотра договора и уменьшения суммы выплат до 68 тысяч фунтов стерлингов.

Снова начался переговорный процесс. Испанская сторона вела себя все более и более дерзко. В конце концов, как будто для того, чтобы вообще исключить возможность достижения какого бы то ни было соглашения, испанцы отказались выплачивать какие-либо деньги, подтвердили свое право на осмотр британских торговых судов и потребовали убрать эскадру Гэддока от берегов Испании.

Объяснение такому вызывающему поведению Мадрида могло быть только одно. Испанцы надеялись на поддержку Франции, с которой уже давно велись переговоры о союзе.

Но оппозицию, похоже, ни сколько не смущала перспектива заключения франко-испанского союза. Преследуя свои корыстные цели, она снова пошла в атаку на правительство, толкая его к войне или отставке.

«Если мы воздержимся от сильных мер против Испании из уважения к Франции, – ораторствовал Питт, умело играя на давней ненависти британцев ко всему дому Бурбонов, – мы позволим ей предписывать наше поведение и держать нас в зависимости».

Ему вторил лорд Арджил, утверждая, что британский флот сможет с успехом сражаться со всеми флотами мира.

Глава 2

Подготовка к войне

.

После срыва переговоров испанской стороной ряды сторонников «немедленного возмездия» значительно расширились, и не только в парламенте. Сам король Англии Георг II в погоне за дешевой популярностью встал на их сторону.

Противиться усилившемуся давлению на правительство становилось невозможно. Премьер-министр должен был сделать свой выбор. Будучи противником войны, которая в его глазах была «самым пагубным делом», Уолполь старался все внешние осложнения устранять дипломатическими средствами. В данном случае, несмотря на все его усилия, эти средства не сработали. Роберт Уолполь решил подчиниться воле парламентского большинства, поступившись своими убеждениями. Война с Испанией стала теперь неизбежна.

Летом 1739 года Британия приступила к мобилизации Королевского Флота (Ройял Неви) – гордости нации.

Англичане по праву могли гордиться своим флотом, самым мощным в Европе, а значит и в мире. Он обеспечивал Великобритании господство на море, на чем основывались ее авторитет и могущество, безопасность и процветание. Флот был главным орудием британской политики, ее карающим мечем и щитом одновременно.

К лету 1739 года в британском флоте по бумагам числились 121 линейный корабль и 49 фрегатов. Из этого огромного количества судов только 86 кораблей и 31 фрегат могли быть использованы в военных действиях. (Приложение 1)

Остальные были или слишком ветхими, или нуждались в капитальном ремонте.

Более детально, с разбивкой по рангам, состав британского флота представлен в следующей таблице.

Ранг судна	Пушки	Количество судов на 1739 год	
		По списку	Годных к службе
1	100	7	4
2	90	12	7
3	80	16	14
	70	24	13
4	60	30	23
	50	32	25
5	40 - 44	19	12
6	20 - 24	30	19
Всего		170	117

Сразу отметим, что в Англии к разряду линейных причислялись также 50-пушечные корабли, которые в Испании и Франции относились к фрегатам.

Из 86 линейных кораблей только 35 были готовы к немедленной службе. Остальные стояли разоруженные в сухих доках, и требовалось время, чтобы их вооружить, подготовить к выходу в море и обеспечить командами.

Бросается в глаза имевшаяся диспропорция между линейными кораблями и более мелкими судами 5 и 6 рангов. Адмиралтейство явно отдавало предпочтение строительству линейных кораблей, незаслуженно обделяя своим вниманием малые силы флота.

Король Испании Филипп V мог противопоставить огромному британскому флоту гораздо более скромные силы. Некогда мощнейшая морская держава – Испания – после подписания Утрехтского мира в 1713 году и войны Четвертного альянса (1717 – 1720 гг.) фактически лишилась своего флота.

Стараниями первого министра Филиппа, Хосе Патиньо, занимавшего этот пост с 1726 по 1736 год, испанский флот, словно птица Феникс, восстал из пепла. Правда, своего былого могущества он не достиг, но не считаться с ним было нельзя.

К 1739 году испанский король располагал порядка 40 кораблями, вооруженными от 50 пушек и выше. При этом только два из них были 80-пушечными и один 110-пушечный. В завершающей стадии строительства, в разной степени готовности, находились еще 6 линейных кораблей, которые в ближайшее время могли вступить в строй. Кроме этого имелось полтора десятка фрегатов и других малых судов. Причем слишком ветхих кораблей, неспособных к выходу в море, было среди них совсем немного.

Силы флота были разделены на три эскадры, которые базировались в Кадисе, Ферроле и Картахене. Часть кораблей, используемая для транспортировки сокровищ из Нового Света, находилась в Вест-Индии и Буэнос-Айресе (см. Табл. 2).

Командующим флотом, хотя и чисто номинальным, был 19- летний инфант дон Филипп, носивший звание генерал-адмирала. Это был младший сын Филиппа V и его второй жены Элизабет Фарнезе.

Как видим, британский флот, даже за вычетом небоеспособных кораблей, обладал почти двукратным превосходством над флотом Испании.

Совершенно иным было соотношение сил на суше. Армия Филиппа, имевшая около 80 тысяч человек, почти в четыре раза превосходила по своей численности британские войска.

Действительно, английская армия мирного времени насчитывала около 20 тысяч человек. Но она могла без особых трудов удвоить и даже утроить свой состав за счет воссоздания ранее расформированных полков, от которых оставался так называемый костяк или скелет, то есть офицерский и унтер-офицерский состав, находившийся на половинном жаловании. Но, естественно, на это потребовалось бы некоторое время, и, наверняка, немалое.

(В войну за Испанское наследство британская армия насчитывала более 60 тысяч человек. Ее сокращение началось за несколько месяцев до заключения Утрехтского мира. К рождеству 1712 года были расформированы 13 драгунских и 22 пехотных полка. Когда договор был подписан, были расформированы еще несколько полков. В итоге было уволено из вооруженных сил более 33 тысяч человек.

В 1722 году численность армии составляла всего 18 тысяч человек.

В 1727 году из-за угрозы войны с Испанией армия была увеличена на 8 тысяч человек, но через три года вновь была доведена до прежнего уровня).

Однако британские стратеги намеревались вести войну исключительно на море и в колониях, где Испания было особенно уязвима. А потому первоочередное внимание уделялось флоту.

Из сухих доков в гавани выводились стоявшие на хранении корабли, точнее говоря, их корпуса, так как они были без рангоута, оснастки и пушек. Стараниями тысяч портовых рабочих суда постепенно обретали свои привычные черты. К ним вновь возвращались их величественный и одновременно грозный вид. Ввысь устремлялись стройные мачты; паутина снастей оплетала рангоут; корабельные орудия, пылившиеся в арсеналах, занимали свои места на батарейных палубах.

В портовых городах открывались вербовочные пункты, где для привлечения внимания прохожих вывешивались национальные флаги и били в барабаны. Зычными голосами призывали всех желающих записываться матросами на корабли Его Величества, обещая различные блага и возможность разбогатеть на войне.

Богатство Испании испокон веков основывалось на ее монопольной торговле со своими заморскими колониями, из которых она беспощадно выкачивала их природные ресурсы, главным образом золото и серебро.

А потому в Англии еще с елизаветинских времен считалось, что Испанию легче всего поставить на колени атаками на ее флотилии галеонов, перевозившие драгоценности из Нового Света, и разрушительными рейдами на ее наиболее важные и богатые колонии.

Правительство Уолполя намеревалось придерживаться подобной тактики и сейчас. Было очень соблазнительно еще до объявления войны захватить испанские галеоны, ведшие заокеанскую торговлю. Их захват с лихвой покрыл бы тот ущерб, который нанесла британской торговле гуарда-коста, и лишил бы Мадрид денег, которые ему потребуются для ведения войны.

По заведенному еще в XVI веке порядку лишь две особые флотилии, снаряжаемые ежегодно в Кадисе, имели право торговать с американскими колониями.

Первая флотилия, именовавшаяся флотом Тьерра-Фирме (то есть флотом Материка) обслуживала вице-королевства Перу и Новую Гранаду. Обычно она выходила из Кадиса в августе – сентябре. Она шла на юг к Канарским островам и, поймав северо-восточный пассат, пересекала Атлантику и входила в Карибское море в районе Наветренных островов. Проследовав вдоль побережья Венесуэлы и цепочки Подветренных островов на запад, она становилась на якорь в Картахене – крупнейшем порту Новой Гранады, где распродавалась часть взятого с собой товара[7]. Затем, приняв на борт колониальные товары, в том числе новогранадские изумруды и жемчуг с острова Маргарита, корабли следовали в Порто-Бело на Дарьенском перешейке.

С их прибытием там устраивалась грандиозная ярмарка, на которую, помимо табака, какао, ценных пород дерева, в больших количествах свозилось серебро и золото в слитках, добытое в Перу и Чили, отчего флотилия неофициально называлась «золотой» (la Flota de Oro). Товар сначала доставлялся морем в Панаму, затем через джунгли Панамского перешейка на мулах перевозился на карибское побережье. В марте, наполнив трюмы, флотилия брала курс на Гавану, огибая Кубу с запада.

Вторая флотилия, официально именовавшаяся флотом Новой Испании, покидала Кадис в апреле – мае. Она повторяла путь галеонов Тьерра-Фирме до входа в Карибское море, затем шла вдоль цепочки Больших Антильских островов на запад (с заходом в Санто-Доминго), входила через Юкатанский пролив в Мексиканский залив и в конце лета бросала якорь в порту Веракруса.

Разгрузившись, галеоны принимали на борт местную продукцию, а также драгоценные металлы, главным образом серебро, добытое на мексиканских рудниках. Помимо этого они брали на борт азиатский товар[8], доставленный через Тихий океан с Филиппин так называемым Манильским галеоном. (Товар выгружался в мексиканском порту Акапулько, а затем по суше перевозился в Веракрус).

Обратно галеоны отправлялись в феврале следующего года, делая обязательную остановку в Гаване, где ждали прибытие «Золотой флотилии».

Соединившись в Гаване, обе флотилии, пользуясь попутными ветрами и течением Гольфстрим, выходили в Атлантический океан и направлялись в Европу. Впрочем, в иные годы флотилии возвращались в метрополию порознь.

В интервалах между плаваниями Флота Новой Испании в Веракрус ходили корабли, известные как Azogues, которые везли из Испании ртуть, необходимую для выработки серебра. Естественно, что возвращались они домой не с пустыми трюмами.

Позже других была организована прямая торговля с Буэнос-Айресом. Торговля осуществлялась особыми кораблями, которые ходили отдельно от больших торговых флотов. Домой в Кадис они возили главным образом золото, серебро и кожи, но в гораздо меньших масштабах, чем первые две флотилии.

Именно эти флотилии, перевозившие сокровища Нового Света в Испанию, и должны были стать главными объектами для атак британского флота.

---

[7] Обычно продукция промышленных предприятий, мануфактур.

[8] Пряности, шелка, китайский фарфор, слоновая кость и др.

Во время войны в Британии создавался особый орган – Тайный Совет (Privy Council), который занимался вопросами внешней политики государства, осуществлял общее руководство вооруженными силами. и планирование военных действий.

От военно-морского флота постоянными членами Совета, которые на начальных этапах занимали наиболее заметное место в подготовке и ведении операций на море, были сэр Чарльз Уэйджер, первый лорд Адмиралтейства, и сэр Джон Норрис, адмирал Флота.

В качестве своей первой жертвы на Тайном Совете наметили флотилию, которая ожидалась из Веракруса с большим грузом серебра.

Здесь речь идет о флотилии Azogues, которая еще в декабре 1737 года во главе с хефе д'эскуадра[9] Хосе Писарро вышла в свой обычный рейс за океан. В состав флотилии входили 3 корабля: "Leon" (70), "Lanfranco" (62) и "Incendio" (58). Еще два корабля "Guipuzcoa" (64) и "Esperanza" (50), ввиду неспокойного времени и важности груза, ей были приданы для усиления.

В Веракрус флотилия пришла в середине марта 1738 года. И вот теперь, после почти годового пребывания в Мексике она, закончив свои дела, должна была отправиться в обратный путь.

Коммодору Брауну на Ямайку и контр-адмиралу Николасу Гэддоку в Гибралтар были посланы секретные инструкции, предписывавшие принять меры для перехвата «серебряных галеонов». Браун должен был попытаться сделать это у Гаваны, Гэддоку надлежало встретить их у Кадиса.

Поскольку Гэддок, ввиду многообразия стоявших перед ним задач, вынужден был распылять свои силы (помимо наблюдения за Кадисом, он присматривал также за Картахеной и Барселоной, охранял Менорку), на Совете решили отправить ему на усиление коммодора Чалонера Огла (Chaloner Ogle) с тремя кораблями "Augusta" (60), "Pembrok" (60), и "Jersey" (60).

Члены совета не исключали, также, что галеоны, узнав каким-то образом о засаде, или просто из осторожности, изменят свой маршрут и направятся не в Кадис, а в один из портов на севере Испании. Потому к охоте на «серебряные галеоны» решили привлечь также снаряжавшуюся в Портсмуте эскадру из 5 линейных кораблей[10], предназначенную для действий в Вест-Индии.

Она была уже практически готова к отплытию. Командовавшему эскадрой вице-адмиралу Эдварду Вернону было приказано перед тем, как пересечь океан, задержаться на некоторое время в районе мыса Ортегаль, у северо-западного побережья Пиренейского полуострова.

Поскольку силы Писарро были хорошо известны, Вернона усилили тремя линейными кораблями и фрегатом[11], дабы он имел неоспоримое преимущество над противником в случае встречи с ним.

Коммодор Огл, как не спешил, смог выйти из Портсмута – главного военного порта Британии – только 2 августа.

(Все даты в книге даны по Григорианскому календарю, принятому тогда большинством стран Европы. Англия до 1752 года жила по Юлианскому календарю, отставшему от Григорианского на 11 дней. То есть, 2 августа – это 22 июля для англичан. Кое-где в тексте будут приводиться обе даты).

---

[9] Звание, соответствующее контр-адмиралу.

[10] "Burford" (70), "Worcestr" (60), "Strafford" (60), "Princess Louisa" (60), "Norwich" (50).

[11] "Lenox" (70), "Kent" (70), "Elizabeth" (70), "Pearl" (40).

Эскадра Вернона, увеличившаяся до 9 кораблей, подняла паруса днем позже. Однако пройти Ла-Манш ни тому, ни другому тогда не удалось. Противные штормовые ветры, прочно овладевшие Каналом, заставили их искать убежище в безопасных гаванях Южной Англии. Прошла целая неделя, прежде чем англичане смогли выйти на морской простор.

Адмирал Вернон достиг назначенного ему района крейсерства 20 августа. Рассыпавшись веером по морю, англичане придирчиво разглядывали в подзорные трубы все проходившие мимо суда, в надежде распознать в них вожделенные галеоны. Но все было тщетно. День проходил за днем, а флотилия из Веракруса не появлялась. Прождав неделю, как ему предписывали инструкции, Вернон приказал прекратить поиски. Приданные силы он оставил еще на некоторое время крейсировать у испанских берегов, а сам со своими 5-ю кораблями направился на Мадейру, чтобы оттуда, пополнив запасы воды и продовольствия, бросить вызов Атлантике.

Как позже выяснилось, расчет британских стратегов был в целом правильным. Ожидавшиеся в Кадисе корабли с серебром, предупрежденные посыльным судном, действительно изменили обычный маршрут. Не застрянь тогда Вернон в Ла-Манше, неизвестно, где бы им пришлось выгружать содержимое своих трюмов. Ибо спасительной гавани, Сантандера – порта на побережье Бискайского залива – они достигли 15 августа, всего лишь за неделю до того момента, когда эскадра Вернона заняла свою охотничью позицию.

Испанский адмирал Хосе Писарро, ушедший из Испании с 5-ю кораблями, назад вернулся лишь с 4-мя. Виной тому была стихия, противостоять которой, не всегда удавалось без потерь.

Выйдя из Веракруса 2 февраля 1739 года, испанская эскадра уже вечером того же дня попала в жесточайший шторм. “Lanfranco” и “Incendio” стали его жертвами, найдя свою гибель в морской пучине. Остальные три судна во главе с адмиралом через 13 дней достигли Гаваны.

Здесь к Писарро присоединился, лишь недавно построенный на местной верфи Хабонеро, 60-пушечный красавец “Castilla”, что частично восполнило убыль эскадры. Закончив ремонтные работы, испанцы 19 апреля покинули столицу Кубы, и, подгоняемые Гольфстримом, вышли через Флоридский пролив в открытый океан.

Встречные торговцы сообщили адмиралу о британской эскадре, крейсировавшей у Кадиса. И хотя война еще не была объявлена, Писарро решил не искушать судьбу. Сделав большой крюк, он обогнул Пиренейский полуостров и, не встретив никаких британских судов, привел свои 4 корабля – “Leon”(70), “Guipuzcoa”(64), “Esperanza”(50) и “Castilla”(60) – в гавань Сантандера.

И все же усилия англичан не пропали даром. Без призов они, все-таки, не остались. Удача улыбнулась адмиралу Гэддоку. 4 и 10 сентября кораблями его эскадры были захвачены два испанских судна из Каракаса. Это были 52-пушечный корабль *“San José”* и *16-пушечный фрегат “Santiago”.* Стоимость их груза составляла порядка 2 миллиона песо. Минус заключался в том, что весь груз был застрахован в Лондонской страховой компании.

Глава 3

Объявление войны. Планы сторон.

Дальше медлить с официальным объявлением войны Испании не имело смысла. 19/30 октября,[12] облаченные в рыцарские плащи герольды, известили население британской столицы о том, что его величество король Великобритании Георг II объявил войну Испании. Конные гвардейцы рассекали для герольдов путь в ликующих толпах лондонцев, когда те ехали на богато убранных лошадях, повторяя слова манифеста. Их голоса были едва слышны в бронзовом звоне колоколов и в одобрительном гуле толпы, жаждавшей мщения.

Война с Испанией всегда считалась прибыльным делом, будучи войной грабежа и морского разбоя. Многие судовладельцы спешили получить королевские каперские патенты, дававшие им право на захват торговых судов противника, без того чтобы быть обвиненными в пиратстве.

Со своей стороны Испания объявила войну Великобритании 17/28 ноября. Отношения между двумя державами были окончательно разорваны. Хотя репрессивные меры против британской торговли Испания начала задолго до этого. (О масштабах довоенной англо-испанской торговли можно судить хотя бы из того факта, что в 1737 году из всех судов, заходивших в Кадис, 183 были французские, 153 – голландские и 907 – британские). Еще в середине августа, когда адмирал Писарро благополучно привел 4 судна Azogues в Сантандер, Мадрид почувствовал себя в состоянии начать действовать. Команда была дана, и десятки приватирских судов вышли в море в свободный поиск.

Так начиналась война, вошедшая в мировую историю под названием «Войны из-за уха Дженкинса».

На тот момент Испания имела 19 линейных кораблей в Кадисе в разной степени готовности. (Только 2 из них были полностью боеготовы). В Картахене стояли еще 3 корабля[13]. 11 кораблей находились в Ферроле, из них только 4 могли немедленно выйти в море.

Испании нужно было время для приведения своих эскадр в боеспособное состояние. Сложность заключалась в том, что арсеналы из-за нехватки денег не имели в достаточном количестве парусины, канатов, снастей, пороха. Как и Англия, Испания испытывала большие трудности с набором экипажей, особенно не хватало артиллеристов.

Поскольку существовала опасность, что англичане воспользуются беспомощным состоянием Кадисской эскадры и атакуют ее прямо в порту, с кораблей на усиление береговых батарей были свезены 34 24-фунтовых орудия. Несколько кораблей, перегородив вход в бухту, были использованы в качестве плавучих батарей. Подобные оборонительные мероприятия были проведены также в Ферроле и Картахене.

Имея более многочисленную армию, в Мадриде хотели навязать Британии войну на суше, создав угрозу вторжения на Британские острова и захвата Менорки и Гибралтара. Для этой цели должны были быть сформированы три армии: одна в Галисии, якобы для нападения на Шотландию или Ирландию, другая напротив Гибралтара и третья в Каталонии, чтобы угрожать Менорке.

---

[12] Решение об объявлении войны Испании было принято британским правительством 11/22 октября 1739 г. Richmond т.1, стр.37

[13] “America”(64), “Constante”(66), “Hercules”(64).

Война была объявлена, а какой-то определенной наступательной стратегии у Лондона по существу еще не было. И нельзя сказать, что британское правительство этим не занималось. Наоборот, с августа месяца заседания Тайного Совета проходили практически ежедневно. Война с Испанией давала прекрасную возможность поживиться за счет ее огромных заокеанских владений. И правительство Уолполя стремилось сполна этим воспользоваться. Вопрос заключался лишь в том, куда именно направить удар британских вооруженных сил, чтобы успех был гарантирован, а выгоды максимальны. При этом нельзя было забывать и об обороне собственных территорий, а также о защите своей торговли, на которой зиждились богатство и процветание нации. Недостатка в проектах захвата тех или иных испанских колоний у правительства не было. Их обсуждение вызывало многочисленные споры, что сильно затягивало выработку единого решения.

В качестве возможных объектов нападения рассматривались практически все основные пункты галеонной торговли: Гавана, Картахена, Веракрус, Дарьенский перешеек, Лима и даже далекая Манила.

Несомненно, лучшим призом для Британии, который можно было только желать заполучить в испанской Вест-Индии, была Гавана. Наиболее рьяным и последовательным сторонником ее захвата выступал госсекретарь герцог Ньюкасл. Гавана была ключевым пунктом галеонной торговли, куда заходили «золотой» и «серебряный» флоты и ее захват был бы тяжелым ударом для Испании, могущим поставить ее на колени.

Герцога нисколько не смущало то обстоятельство, что Гавана была наиболее укрепленным городом в Вест-Индии. Столица Кубы была окружена мощными оборонительными сооружениями, на которых находилось более 150 орудий. Гарнизон по последним данным состоял из 1300 пехотинцев и шести конных отрядов по 60 – 70 человек в каждом, которые в любой момент могли быть усилены 5 тысячами ополченцев.

Было совершенно ясно, что Гавану невозможно взять силами одного лишь флота. Для ее захвата потребовался бы сухопутный корпус численностью никак не меньше 8 – 10 тысяч человек.

Противником экспедиции в Гавану был Первый Лорд адмиралтейства сэр Чарлз Уэйджер. Он прекрасно знал Вест-Индию, ее климат и условия плаванья в тамошних водах. Он командовал вест-индской эскадрой во время войны за Испанское наследство. К Гаване был затруднен доступ с декабря по март – лучшее время для ведения кампании – из-за сильных северных ветров, которые делали затруднительной стоянку кораблей у ее берегов.

В качестве альтернативы на Тайном Совете рассматривался также план захвата Картахены, другого важного звена галеонной торговли. Картахена, благодаря своему положению на фланге торгового пути в Порто Белло, позволила бы Англии, в случае ее удержания, доминировать над испанской торговлей. «Испанцы, – говорил адмирал Норрис, – вряд ли рискнут отправить свои галеоны в Порто Белло, если мы будем владеть Картахеной». К тому же овладение ею, как считали эксперты, потребовало бы меньшего количества сухопутных сил. Минусом было то, что Картахена, находясь гораздо южнее Гаваны, имела и более нездоровый климат.

Вызвал интерес у членов Совета проект полковника Блэйдена, который предлагал захватить укрепленные места на самом Дарьенском перешейке и тем самым прервать перевозку через него драгоценных металлов из Перу. Блэйден имел в виду Порто-Бело и Панаму – две ключевые точки маршрута. Причем Панама считалась более предпочтительной, ибо была гораздо слабее укреплена. Она могла быть захвачена либо путем отправки кораблей вокруг мыса Горн, либо со стороны Карибского моря путем доставки людей вверх по реке Чагрес. Блэйден считал, что 1500 солдат было бы вполне достаточно для приведения этого плана в исполнение.

Губернатор североамериканской колонии Джорджия генерал Джеймс Оглторп предлагал расширить британские владения на американском континенте за счет испанской Флориды. Оглторп не забыл упомянуть, что сам полуостров, помимо всего прочего, имел важное стратегическое положение, так как мимо него, через Флоридский пролив, проходил маршрут галеонов, возвращающихся из Гаваны в Испанию.

Он утверждал, что испанцы не уделяют должного внимания этой своей колонии, поскольку там не обнаружили ни золота, ни серебра. Флорида, по его словам, слабо заселена испанцами и имеет только один более-менее укрепленный город – Сан-Августин, который является ее административным центром. А потому, захватить ее будет несложно.

Оглторп брался сам претворить этот план в жизнь со своим пехотным полком[14] и местными волонтерами. Генерал просил только оказать ему поддержку силами флота, так как действовать придется вдоль побережья.

Инициатива Оглторпа нашла поддержку у членов Совета, и он получил «добро» на проведение задуманного им предприятия.

Помимо Вест-Индии, которая издавна являлась ареной многочисленных войн и конфликтов европейских государств, британские власти решили «потрясти» и другие районы испанской колониальной империи, более труднодоступные, а потому и хуже укрепленные. Уже в октябре, на одном из заседаний Тайного Совета рассматривались два проекта военных экспедиций в Южное Море, как тогда назывался Тихий океан.

Автор первого проекта – бывший агент компании Южного моря, Генри Гатчинсон – предлагал послать небольшую эскадру из 4-5 кораблей вокруг мыса Горн с 1500 солдат на борту для атаки испанских колоний на тихоокеанском побережье Южной Америки. Долгое время живший в Панаме и Лиме, Гатчинсон хорошо знал положение дел и состояние обороны в этих колониях и утверждал, что указанных сил будет достаточно, чтобы не только разорить и разрушить прибрежные чилийские города, но и захватить богатую Лиму – столицу вице-королевства Перу.

По его словам, местное население – креолы и индейцы, испытывавшие сильное недовольство колониальными властями, – может поднять мятеж при появлении британских кораблей у перуанского побережья, что, несомненно, облегчит захват Лимы и создаст условия для последующего отторжения ее от Испании и установления там пробританского правительства со всеми вытекающими отсюда политическими и экономическими выгодами.

Второй проект касался посылки нескольких военных кораблей к Филиппинам для захвата манильского галеона, который возвращался в Манилу из Акапулько, распродав свой товар и везя, помимо всего прочего, вырученные за него золото и серебро.

В этом плане, в сущности, не было ничего нового, ибо и в прошлом англичане не раз предпринимали попытки захватить манильский галеон. Правда, делали это в основном корсары, а не корабли Его Величества. Но захват галеона был только частью плана, автором которого являлся некий Джеймс Нэиш, служивший суперкарго на кораблях Ост-Индской компании и совершивший в этом качестве несколько плаваний в Китай.

В основе проекта лежала идея по овладению самой Манилой. Нэиш не раз бывал там и видел ее обветшалые укрепления с устаревшими железными пушками. Полка солдат и 4 – 5 кораблей, по его мнению, вполне хватило бы для овладения городом, гарнизон которого не превышал трехсот человек. Если бы его удалось удержать за собой после заключения мира, –

[14] Понимая, что соседство с испанцами грозит военными столкновениями, Оглторп специально ездил в Англию за разрешением набрать полк для обороны Джорджии. Такое разрешение он получил. Из Англии был отправлен конвой транспортов с новобранцами, и к осени 1738 года на базе уже стоявшей в Джорджии роты был создан пехотный полк, причисленный к регулярной британской армии под номером 42 пехотного.

утверждал Нэиш, – Англия получила бы прекрасный опорный пункт в Восточных морях, что позволило бы ей значительно расширить торговлю с Китаем и Японией.

Оба проекта выглядели весьма заманчивыми. Уэйджер и Норрис поддались энтузиазму их авторов. Несмотря на холодное замечание герцога Ньюкасла, что это были «маленькие авантюры», оба моряка-ветерана высказались в поддержку этих проектов.

Поскольку предполагаемые экспедиции не требовали привлечения крупных сил – ни сухопутных, ни морских – и обещали с лихвой окупить все затраты, Роберт Уолполь дал свое согласие на их подготовку. В ноябре в Портсмуте началось снаряжение 6 судов (1 – 60-пуш., 2- 50-пуш., 1 – 40-пуш. и двух вспомогательных), выделенных для манильской экспедиции, начальником которой, по предложению Уэйджера, был назначен Джордж Ансон, капитан корабля “Centurion”.

Глава 4

Захват англичанами Порто-Бело.

С начала восемнадцатого столетия галеонная торговля всё чаще стала делать сбои. Ярмарки в Порто-Бело проводились нерегулярно, флотилии выбивались из привычных графиков, объёмы продаж неуклонно падали. После провала ярмарки в 1731 году какой-либо торговли с Перу вообще не велось.

Лишь в начале 1737 года очередной караван «галеонов» (на самом деле обычных купеческих судов) отправился за океан. Сопровождали его корабли “Conqistador”(64) и “Africa”(64) во главе с генерал-лейтенантом флота (вице-адмиралом) дон Бласом де Лезо, прославленным испанским военачальником, имевшим прозвище «Деревянная нога» («Patapalo»)[15].

11 марта галеоны благополучно достигли Картахены, где провели большую торговлю, но в гораздо меньших объемах, чем раньше. Новогранадские торговцы привыкли пользоваться услугами контрабандистов из Англии, Голландии и Франции, оптом скупая у них товар. Однако ни в том, ни в следующем году ярмарка в Порто-Бело – то, ради чего они сюда прибыли, – не состоялась. Драгоценности из Перу еще не были доставлены в Панаму. Ярмарку готовились провести в этом, 1739 году. Де Лезо, оставаясь в Картахене, ждал только сигнала, когда можно будет перейти с галеонами в Порто-Бело.

Эдвард Вернон, член британского парламента и активный сторонник оппозиции, был назначен командующим вест-индской эскадрой по ходатайству самого Роберта Уолполя. При этом премьер преследовал и свои собственные интересы: это назначение освобождало его от очень беспокойного оппонента в парламенте, где тогда еще капитан Вернон в весьма резкой форме критиковал действия министра. Вместе с тем Вернон слыл честным человеком и грамотным офицером. Он был хорошо знаком с будущим театром военных действий и знал, в каких местах испанцы были более всего уязвимы. 18 июля Вернон по этому случаю был произведен в вице-адмиралы. Инструкции адмиралу были подписаны королем 30 июля.

Первейшей задачей Вернона было захватить галеоны и причинить как можно больше вреда испанскому судоходству в вест-индских водах. Одновременно он должен был позаботиться о защите британской торговли. В дополнении этому ему надлежало содействовать обороне северо-американских колоний Джорджия и Южная Каролина, если это потребуется. Адмирал не имел прямого указания атаковать Порто-Бело или какой-либо другой порт Испании в Вест-Индии. Здесь он мог действовать по своему усмотрению в зависимости от складывающихся обстоятельств. Его инструкции только указывали: «В случае если вы найдете, что испанские военные корабли или галеоны в Картахене или Порто-Бело лежат настолько открыто, что вы рассудите возможным сжечь или разрушить их в порту, вы должны атаковать их».

Как уже говорилось, Вернон, завершив недельное крейсерство у мыса Ортегаль и не встретив испанские галеоны, с 5 кораблями (”Burford” (70), “Strafford” (60), “Worcester” (60), “Princess Louisa” (60) и “Norwich” (50)) направился на Мадейру. Пополнив запасы воды и продовольствия, он благополучно пересек Атлантику и 10 октября достиг острова Антигуа, из

[15] Блас де Лезо (Blas de Lezo) родился в 1689 г. Поступил на службу во флот в 1704 г. В том же году в битве при Малаге потерял левую ногу ниже колена. Под Тулоном в 1707 г. лишился левого глаза. В 1714 г. во время осады Барселоны потерял правую руку. Но морскую карьеру не бросил. В 1734 году король произвел его в генерал-лейтенанты флота.

группы Малых Антильских островов. Оттуда он перешел на остров Сент-Кристофер (Сент-Китс), лежащий неподалеку. (Оба острова являлись британскими колониями).

На островах Вернону удалось завербовать несколько опытных моряков, знавших побережье Венесуэлы. Они должны были послужить лоцманами для капитана Томаса Уотерхауса, которого адмирал с тремя кораблями отправил в те места для сбора сведений о галеонах.

Вернон же в сопровождении “Worcester” продолжил плаванье на Ямайку, и 23 октября бросил якорь в просторной Кингстонской бухте.

На рейде Порт-Ройяла из военных кораблей его встречал только фрегат “Diamond” (40), недавно вернувшийся из крейсерства с двумя призами. Сам коммодор Браун с главными силами своей эскадры с середины августа находился в плаванье у северных берегов Кубы, исполняя приказ Тайного Совета о перехвате «серебряных галеонов».

Тогда еще не знали, что с этим делом, он сильно опоздал. Адмирал Писарро уже привел их в Сантандер.

Зато, ему удалось выяснить, что галеоны из Порто-Бело в Гавану еще не прибыли, но ожидались там. Так же Брауну поручалось оценить обороноспособность кубинской столицы. С этой целью его корабли несколько раз вступали в перестрелку с фортами и батареями Гаваны и даже высаживали на берег небольшие десантные партии.

Разведка боем лишний раз доказала, что город хорошо укреплен, имеет сильный гарнизон и, что взять его приступом будет очень непросто. Об этом Браун доложил Вернону, когда 8 ноября с кораблем “Hampton Court” и фрегатом “Sheerness” вернулся в Порт-Ройяль. Корабли “Windsor”, “Falmouth” и фрегат “Torrington”, бывшие с ним в плавании, Браун оставил у Гаваны еще на некоторое время для сбора информации.

Вскоре к Вернону присоединились корабли, отправленные им к венесуэльскому побережью. Во время этого рейда Капитан Уотерхаус, не встретив в море неприятельских судов, дерзнул напасть на Ла-Гуайру, порт Каракоса. Подняв испанские флаги, он попытался войти в бухту Ла Гуайры, где стояли полтора десятка торговых кораблей и учинить там погром. Но испанцы не поддались на эту уловку и открыли огонь с береговых батарей. Три часа британские корабли вели с ними ожесточенную перестрелку, пока смогли выйти из-под обстрела. Но свою основную задачу Уотерхаус выполнил. Он выяснил, что галеонов в Ла-гуайре не было и, что, скорее всего, они находились все еще в Картахене.

Доставленная разведчиками Вернона информация, а также сведения, которыми располагал Браун, говорили о том, что ярмарка в Порто-Бело должна была состояться в ближайшее время или даже уже состоялась, и галеоны, почти два года ожидавшие ее открытия в Картахене, готовы были выйти в море, чтобы отправиться за драгоценным грузом.

Мысль о том, что огромные богатства, добытые за последние годы на серебряных рудниках и золотых приисках Перу, уже находятся на складах Порто-Бело, побудила Вернона к решению немедленно атаковать дарьенскую твердыню. Приход туда хорошо вооруженных галеонов из Картахены только увеличил бы оборонительные возможности испанцев.

Боясь упустить богатую добычу, адмирал не стал ожидать возвращения находившихся в море кораблей Брауна. Под рукой у него имелось 6 линейных кораблей, и 20-пушечный фрегат “Sheerness”. (Фрегат “Diamond” нуждался в ремонте). Именно с этими скромными силами да с двумя сотнями солдат, предоставленными губернатором Ямайки, мистером Трэлони (Trelawney), Эдвард Вернон, влекомый завораживающим блеском золота, 5/16 ноября покинул Кингстонскую гавань.

Выйдя в открытое море, Вернон отправил единственный находившийся при нем фрегат к Картахене наблюдать за галеонами и за всеми передвижениями судов в том районе, чтобы они не застали его врасплох своим приходом в Порто-Бело.

Противные ветры сильно замедляли движение эскадры. Лишь вечером 1 декабря взорам англичан открылся Дарьенский берег, немного севернее того места, где в глубине удобной бухты притаился Порто-Бело. Несколько мелких суденышек, увидев незнакомые корабли, устремились ко входу в невидимую с моря гавань, выстрелами из пушек предупреждая гарнизон и население об опасности. Когда тьма сгустилась, и дальнейшее продвижение вперед стало небезопасно, адмирал приказал убрать паруса и становиться на якорь.

Прослужив несколько лет в Вест-Индии, во время войны за Испанское наследство, Вернон хорошо знал систему обороны Порто-Бело. Окружавшие город болота с висевшими над ними тучами москитов делали его неприступным со стороны суши. После того как пираты во главе со знаменитым Джоном Морганом в 1668 году захватили и разграбили Порто-Бело, была усилена его оборона и со стороны моря.

В дополнение к имевшимся укреплениям испанцы возвели у входа в бухту, на ее северном берегу – крутом и обрывистом – крепкий форт, вооруженный 78 пушками, который получил название Железный замок (Castle de Ferro). Помимо этого, прямо под фортом, почти у самой воды, за невысокой каменной стеной они установили батарею на 22 орудия, называвшуюся Нижней батареей. Замок имел гарнизон в 300 человек.

Из старых укреплений были сохранены форты Глория и Сан-Херонимо (San-Jeronimo), воздвигнутые в юго-восточном углу бухты в непосредственной близи от города. Первый стоял на холме и состоял из двух обычных бастионов, обращенных к морю и соединенных куртиной, был рассчитан на 98 пушек с гарнизоном в 400 человек. Второй, представлявший собой приземистый квадратный редут на 20 орудий, располагался на длинном песчаном мысу в глубине гавани.

Новая система обороны Порто-Бело доказала свою надежность в 1726 – 27 годах, когда английский адмирал Фрэнсис Хозиер (Hosier) во главе эскадры из 12 кораблей держал город в блокаде больше года, но так и не отважился на его штурм. Блокада стоила Британии жизней 4 тысяч моряков, умерших от желтой лихорадки. Не пощадила она и самого адмирала Хозиера.

Вернон не собирался терять время на блокаду Порто-Бело. Он еще в море составил план атаки, с которым ознакомил капитанов кораблей. И атаку эту он решил провести уже на следующий день, чтобы не дать испанцам возможности как следует подготовиться к обороне и вывести сокровища из города.

Вкратце план Вернона выглядел следующим образом. Эскадра, ведомая коммодором Брауном, должна была идти плотной линией так, чтобы пройти менее чем в кабельтове от Железного замка, ведя огонь из всех орудий при прохождении мимо него. Три передовых корабля, не останавливаясь, должны были проследовать вглубь бухты и завязать бой с замком Глория и фортом Сан-Хнронимо с минимально возможной дистанции. Остальные три корабля во главе с Верноном должны были занять огневые позиции напротив Железного замка и принудить его к капитуляции. Всем кораблям предписано было иметь кроме привязанного за кормой баркаса еще и катер (barge) в готовности для высадки на берег десанта.

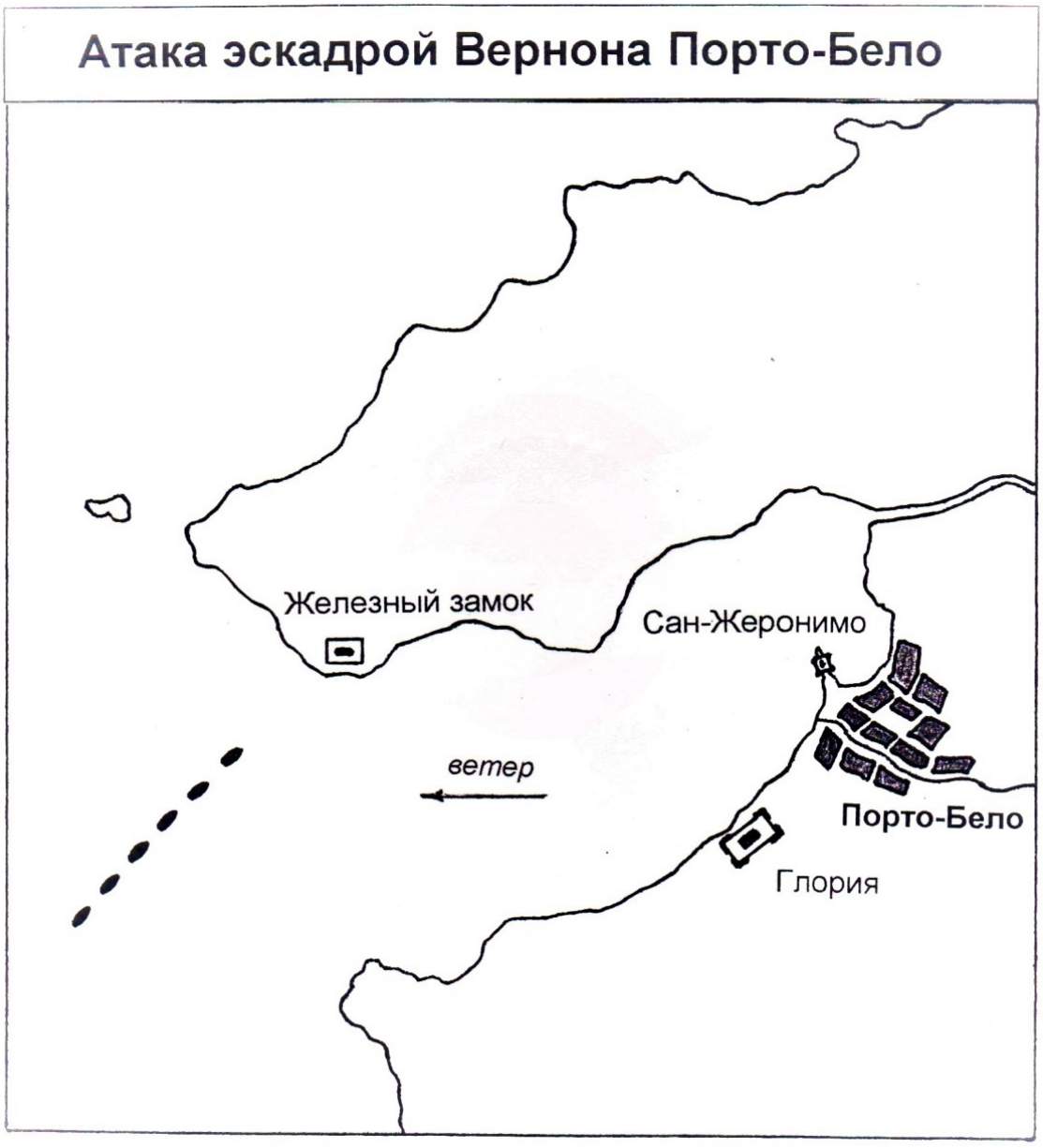
В 6 часов утра 2 декабря корабли Вернона, вступив под паруса, сформировали кильватерную колонну. Дул устойчивый восточный ветер, противный для англичан. Чтобы приблизиться ко входу в бухту, им пришлось идти галсами почти 6 лиг, выписывая зигзаги на поверхности моря. В качестве лоцмана им служил некий Джеймс Рентон, капитан английского торгового судна, видимо бывавший в этих местах.

Возглавлял колонну 70-пушечный “Hampton Court”, на мачте которого развевался брейд-вымпел коммодора Брауна. За ним, согласно диспозиции, пристроился 50-пушечный “Norwich”, самый маленький в эскадре корабль. Следом шел “Worcester”(60). Флагманский “Burford”(70) был четвертым. Замыкали колонну 60-пушечные “Strafford” и “Princess Louisa”.

Миновал полдень, когда «Хэмптон Корт», в очередной раз сменив галс, и держа круто к ветру, направился прямо на Железный замок, гордо возвышавшийся на отвесной невысокой

скале. Орудия левого борта были приведены в боевую готовность, прислуга заняла свои места, палубы посыпаны песком, чтобы не скользили от крови. Все находившиеся наверху моряки с интересом и опаской разглядывали выжженные тропическим солнцем белесые стены форта с реявшим над ними желто-оранжевым флагом.

Первый выстрел произвели испанцы. В ту же минуту десятки орудий, глазевших из бойниц замка и Нижней батареи, словно устав от напряженного ожидания, поспешили изрыгнуть в приближавшийся коммодорский корабль свои смертоносные заряды.

«Хэмптон Корт», отвечая только из носовых пушек, еще некоторое время продолжал идти вперед. Затем он, осыпаемый градом ядер, развернулся левым бортом к берегу и произвел по испанцам залп всем лагом. Это случилось около двух часов дня.

В течение почти тридцати минут корабль Брауна, медленно продвигаясь вглубь бухты, в одиночку вел бой с Железным замком и Нижней батареей, принимая на себя всю мощь их

огня. Его положение немного облегчилось, когда “Norwich” а за ним “Worcester”, повторив маневр коммодора, также вступили в бой. Ловя простреляннными парусами ослабевший ветер, они величественно проплывали в клубах порохового дыма мимо каменной твердыни, то и дело, сотрясаясь от собственных залпов.

Огонь англичан возымел свое действие. Пушки Нижней батареи, которой досталось больше всего, отвечали уже не так рьяно, как поначалу.

Почувствовав это, Вернон – его корабль к тому времени также вступил в дело, ближе других подойдя к берегу – приказал произвести высадку десанта. По сигналу адмирала назначенные для высадки матросы и солдаты быстро расселись по баркасам и катерам. Под дружными взмахами весел шлюпки устремились к пенистой кромке прибоя, прямо к подножию Нижней батареи. С марсов «Бурфорда», откуда велась стрельба из карабинов, в просветах дымовой завесы было видно, как испанские солдаты, спасаясь от града картечи и пуль, по одиночке и целыми группами покидали батарею. Огонь с нее, практически, прекратился, и отряд Ньютона беспрепятственно высадился на каменистый берег, потеряв при этом всего лишь двух человек.

Не имея при себе штурмовых лестниц, моряки, подавая пример пехотинцам, вставали на плечи друг друга и через амбразуры, из которых торчали, еще не остывшие, пушечные стволы, проникли внутрь батареи. Оставшиеся в живых испанские солдаты, приведенные в полное смятение, бежали наверх в замок.

Железный замок, по которому был сосредоточен теперь огонь трех британских концевых кораблей, держался после этого недолго. В пылу боя англичане не сразу заметили, как с флагштока замка исчез вдруг испанский флаг, а на его месте в клубах сизого дыма конфузливо заполоскало на ветру белое, взывающее о пощаде, полотнище. Кастль дель Ферро капитулировал. Его последние защитники – 5 офицеров и 35 солдат сложили оружие.

Однако полной тишины при этом не наступило. В глубине бухты канонада продолжалась. С форта Глория, не переставая, палили из пушек по трем передовым кораблям Брауна, которые, лавируя против ветра в узости бухты, тщетно пытались продвинуться к городу.

С наступлением ночи корабли Брауна, так и не добравшись до внутренних фортов, обессилив, скатились под ветер, к входу в бухту. Несколько дальнобойных орудий с форта Глория тем не менее продолжали сотрясать воздух своим грохотом, перенеся огонь на суда, стоявшие у Железного замка. Больше всего они досаждали флагманскому «Бурфорду» и находившемуся у него за кормой «Страффорду». Стоявшая немного дальше «Принцесса Луиза» находилась вне зоны их действия.

Чтобы остудить пыл испанцев, Вернон приказал открыть ответный огонь с нижних деков, где располагались наиболее крупные пушки. Артиллерийская перестрелка, то затихая, то разгораясь с новой силой, продолжалась до утра. От ядер, выпущенных с кораблей, досталось не только форту, затеявшему ее, но и городу. Было разрушено и повреждено несколько домов, в том числе и дом губернатора. Стоявший на якоре вблизи замка шлюп, был потоплен.

Утром 3 декабря адмирал Вернон на борту «Хэмптон Корта» провел со своими капитанами небольшой военный совет. На нем было решено, что если не будет благоприятного ветра, то с наступлением ночи ввести в гавань путем верпования три корабля Брауна, чтобы на следующее утро они смогли атаковать форты Глория и Сан-Херонимо.

Однако проводить столь трудоемкую операцию англичанам не потребовалось. Днем из глубины бухты показалась идущая на веслах шлюпка с белым флагом на носу. Поднявшийся на борт «Бурфорда» испанский офицер вручил адмиралу письмо губернатора Порто-Бело с условиями, на которых он готов был сдать город.

Губернатор просил, чтобы гарнизону был предоставлен свободный выход с оружием и полагающимися военными почестями; чтобы жителям, желавшим остаться дома, была гарантирована их личная безопасность и неприкосновенность их имущества; и, наконец, чтобы всем испанским кораблям, находившимся в гавани, было позволено уйти из нее.

Вернон согласился выполнить требования губернатора, кроме одного – последнего. Среди нескольких стоявших в гавани судов были два корабля гуарда-косты, причинивших немало вреда британским торговцам. А потому адмирал считал справедливым, если они будут взяты им в качестве призов. Губернатору давалось на размышление несколько часов.

Еще до истечения указанного срока над укреплениями города появился белый флаг. Испанцы приняли условия Вернона.

Радостное возбуждение на британских кораблях еще не улеглось, когда адмирал приказал капитану Ньютону с двумя сотнями солдат занять форты, склады и административные здания. Одновременно был выделен отряд моряков для овладения стоявшими в гавани торговыми судами и кораблями береговой охраны. Таковых оказалось два. Оба были 20-пушечными шлюпами. (Первый англичане позже переименовали в “Triumth”, второй получил название “Astrea”).

Гарнизону было позволено выйти из города с военными почестями и оружием и взять с собой две полевые пушки. Было также позволено уйти командам кораблей с личными вещами и жителям города, которые выразили на то свое желание.

К огромному разочарованию Вернона ни золота, ни серебра в городе не оказалось. Все драгоценности, как и другие товары перуанских купцов на общую сумму 12 миллионов песо, приготовленные для ярмарки, в тот момент находились в Панаме. Испанцы из-за напряженных отношений с Англией побоялись перевозить их через перешеек.

Британскому адмиралу пришлось довольствоваться 10 тысячами песо, которые были недавно доставлены в Порто-Бело для уплаты жалованья гарнизону. Все эти деньги Вернон приказал распределить среди команд своих кораблей для поощрения и воодушевления людей.

Адмирал сдержал свое слово. Жителям Порто-Бело британскими солдатами и моряками не было причинено ни малейшего вреда. Горожане, поначалу настороженно и с недоверием относившиеся к «красным курткам», постепенно успокоились и, жизнь в городе вошла в нормальное русло.

На укреплениях же и в гавани целыми днями кипела работа. С фортов снимались пушки. Чугунные пушки приводились в негодность, медные свозились вместе с ядрами и порохом на берег для погрузки на корабли. Всего было отобрано 40 пушек, 10 полевых орудий и 4 мортиры. В то же время десятки матросов под руководством капитанов Эдварда Боскауэна[16] и Чарльза Ноулза занимались минированием фортов. Стены их были настолько толсты, а цемент таким прочным, что это была поистине каторжная работа.

Между тем, силы Вернона постепенно увеличивались. 8 декабря к эскадре присоединился “Diamond” (40), а 10-го “Windsor” (60) и фрегат “Anglesey” (40), пришедший с Наветренных островов. Еще несколькими днями позже вернулся из своего плаванья к Картахене фрегат “Sheernees”, приведший с собой два приза, груженые продовольствием.

Находясь еще в Порто-Бело, Вернон узнал, что несколько агентов и служащих британской кампании Южного моря были задержаны в Панаме и, что их личное имущество и имущество кампании было конфисковано. Адмирал отправил письмо губернатору Панамы, в котором потребовал освободить людей и возвратить их собственность. Губернатор посчитал благоразумным не раздражать Вернона. Дарьенский перешеек очень узок – чуть более 40 миль – и пересечь его британцам, как это уже делали Морган и Дампир, не составит большого труда. Поэтому губернатор освободил людей, хотя имущество вернуть отказался.

Вернон и в самом деле подумывал повторить подвиг своих предшественников и напасть на Панаму, где, как говорили, находились в то время сокровища из Перу. Соблазн был велик,

[16] Боскауэн попросился участвовать в этой экспедиции в качестве волонтера, так как его собственный корабль “Shoreham’ был не пригоден на тот момент к выходу в море.

но и трудности казались непреодолимы. У него было мало солдат, мало было пушек, да и те нечем было перевозить – не было ни мулов, ни лошадей.

К 17 декабря мины, на которые пришлось потратить 122 барреля пороха, найденного на испанских складах, были, наконец, заложены и Вернон отдал приказ привести их в действие. Несколько сильнейших взрывов один за другим прогремели над бухтой. Когда осела поднятая в воздух пыль, на месте некогда грозных фортов оказались жалкие груды дымящихся развалин. Порто-Бело, как крепость перестал существовать.

Имей Вернон в своем распоряжении не 200 вест-индских солдат, необходимых к тому же для обороны Ямайки, а, по крайней мере, полноценный пехотный полк, он мог бы попытаться удержать столь важный в стратегическом отношении город за собой, вместо того чтобы удовлетвориться разрушением его укреплений.

Но британский премьер Роберт Уолполь, пославший его в Вест-Индию без солдат, видимо опасался, что решительные успехи Британии подтолкнут Францию к вмешательству в войну. Ведь первый министр Людовика XV кардинал Флёри не раз говорил британскому послу в Париже лорду Вальдгрейву, что Франция не сможет остаться в стороне, если увидит, что Англия захватит какую-либо часть испанских владений.

Как бы то ни было, 24 декабря британская эскадра, подняв паруса, оставила Порто-Бело, превращенный ею в беззащитный городишко, и направилась домой на Ямайку. В Англию с донесением об одержанной победе был отправлен капитан Джеймс Рентон на шлюпе “Triumth”, одном из кораблей гуарда-косты, доставшемся морякам в качестве приза. Фрегат “Diamond” Вернон послал к Картахене на разведку и для наблюдения за городом и бухтой. Адмирал не забывал о своей главной цели – уничтожении или захвате галеонов.

Обратный путь стал для англичан тяжелым испытанием. Вскоре после выхода из Порто-Бело на эскадру налетел сильный шторм, продолжавшийся несколько дней и разметавший корабли по бушующему морю. Так что, когда флагманский “Burford” 16 января достиг, наконец, Порт-Ройяла, его сопровождал один лишь “Hampton Court”, лишившийся своей грот-мачты. Напрасно Вернон всматривался в трубу, надеясь разглядеть в гавани корабли своей эскадры. Их там не было, за исключением маленькой “Sheerness”, каким-то чудом сумевшей добраться до порта, имея сильную течь в корпусе.

20 января вечером пришли “Anglesey” и “Strafford”. Оба имели сильные повреждения в такелаже и рангоуте. Об остальных кораблях не было никаких известий. Беспокойство Вернона нарастало.

21-го утром адмирал отправил на поиски отсутствующих судов эскадры единственный способный к выходу в море корабль, свой флагманский “Burford”, с запасом продовольствия, воды и всего, что могло потребоваться для ремонта. Капитан корабля Томас Ватсон имел приказ проверить все бухты в окрестностях Порто-Бело и всего Дарьенского перешейка.

Как оказалось, с этим делом Вернон немного поторопился. Его корабли потихоньку сами собрались на своей базе. 26 января подошел “Diamond”, который имел такие сильные повреждения, что не смог больше находиться на своей станции у Картахены. В тот же день прибыл “Windsor”, 28-го появился “Norwich”, оба со сломанными фок-мачтами. 4 февраля в гавань втянулись “Princess Louisa”, “Worcester” и призовой “Astrea”. Теперь в отсутствующих значился только “Burford”, отправившийся на поиски своих «пропавших» товарищей.

Однако выполняя свою благородную миссию, он сам попал в очень опасную ситуацию. “Burford”, почти уже достигнув материкового берега, наскочил на подводный риф недалеко от Картахены. Гибель корабля казалась неизбежной. Помощи в открытом море ждать было неоткуда. Лишь опыт и хладнокровие капитана, быстрые и умелые действия команды помогли им выйти победителями из этой безнадежной ситуации. “Burford” не только благополучно снялся с рифа, но и сумел дойти, несмотря на серьезные повреждения, до Ямайки. 6 февраля он,

скрипя всеми помпами, выкачивающими из трюма воду, тяжело вошел в бухту Порт-Ройяла, где его радостно встретили корабли эскадры.

Вернон мог облегченно вздохнуть. Обошлось без потерь. Все корабли, бывшие с ним в деле, вернулись на базу. Его эскадра даже увеличилась за эти дни. Из Англии 26 января пришли подкрепления. Это были линейный корабль “Greenwich” (50), 4 бомбардирских (мортирных) судна, 3 брандера и 2 тендера, которые привели с собой транспорты с продовольствием, военными запасами и материалом для ремонта судов.

Кампания 1740 года.

Глава 5

Дальнейшие операции в Вест-Индии.

Действия Вернона

После громкого успеха в Порто-Бело вице-адмирал Вернон не собирался почивать на лаврах и надолго оставлять противника в покое. Он деятельно готовил эскадру к новым боям. В порту целыми днями кипела работа. На судах устранялись полученные повреждения.

7 марта 1740 года, лишь только основные силы эскадры были приведены в порядок, Вернон снова вышел в море. Адмиральский флаг был поднят на мачте “Strafford” (60), так как “Burford”, пострадавший больше всех, все еще находился в ремонте. С собой адмирал взял “Princess Louisa (60), “Windsor” (60), “Norwich” (50), “Greenwich” (50), а также 3 бомбардирских судна, 2 брандера и 2 тендера. Остальные корабли во главе с коммодором Брауном остались на месте для защиты Ямайки. (Вернон не сомневался, что с началом войны Мадрид отправит в Вест-Индию эскадру с солдатами на борту и их целью может стать именно Ямайка).

Эскадра двигалась в южном направлении. Вечером 12 марта англичане достигли побережья Новой Гранады в районе Санта-Марты (самого первого испанского города на территории нынешней Колумбии, основанного в 1525 году). Не обнаружив в порту ничего достойного внимания, Вернон двинулся вдоль материкового берега в юго-западном направлении.

14 марта на подходе к Картахене встретили крейсировавший здесь “Falmouth” (50), осуществлявший наблюдение за городом. А ближе к вечеру британская эскадра во всей своей красе предстала перед любопытными взглядами жителей Картахены, уже наслышанных про ее подвиги. Держась вне выстрелов крепостных орудий, корабли Вернона осторожно вошли в Плайя-Гранде, обширный открытый залив, омывающий Картахену со стороны моря.

Следующие два дня англичане занимались изучением укреплений города и его окрестностей, делали промеры глубин, определяли места возможной высадки. Чтобы узнать реальную силу и возможности испанской артиллерии, Вернон решил провести разведку боем.

Утром 17 марта бомбардирские суда и тендеры, а также корабли, назначенные для их прикрытия, спустились ближе к берегу и с дальней дистанции начали обстрел крепости. Испанцы, естественно, открыли ответный огонь. Но большинство крепостных орудий были устаревших конструкций, и их ядра падали с недолетом. Оставаясь, фактически, безнаказанными, британские корабли продолжали обстрел до глубокой ночи. От их бомб пострадала не только крепость, но и сам город, где было повреждено несколько домов, в том числе здание таможни и Иезуитский колледж.

Вернон надеялся, что испанский адмирал выведет в море свои корабли, чтобы прекратить бомбардировку, и тогда он сразится с ним.

Но дон Блас де Лезо, имевший под своей командой лишь 3 линейных корабля[17], не поддался на провокацию, благоразумно оставаясь в гавани. Вместо этого он приказал снять со своих кораблей несколько 18-фунтовых орудий и установить их на берегу скрытно от противника.

[17] В 1739 году к де Лезо присоединился корабль “Dragon”(60), перешедший в Картахену из Гаваны, где он был построен.

Когда на следующий день британские суда вновь заняли облюбованные ими позиции, чтобы продолжить обстрел, неожиданно для них вступили в дело установленные де Лезо батареи. После недолгой пристрелки их ядра стали находить свои цели. Не оставаясь больше неуязвимыми, бомбардирские корабли и тендеры снялись с якорей и отошли на безопасное расстояние.

Простояв еще два дня в Плайя Гранде, британская эскадра 21 марта подняла паруса и, медленно пройдя вдоль берега, повернула в открытое море. У Картахены были оставлены “Windsor” и “Greenwich” для наблюдения за испанской эскадрой и перехвата идущих в город судов[18]. Остальные корабли взяли курс на Порто-Бело, где адмирал собирался исправить полученные малыми судами повреждения и пополнить запасы воды.

Давая отчет своих действий у Картахены, Вернон хвастливо писал герцогу Ньюкаслу, что он теперь знает подходы к крепости так же хорошо, как сами испанцы.

24 марта британская эскадра вошла в хорошо знакомую бухту Порто-Бело, у входа в которую ее уже несколько дней поджидал фрегат “Diamond”, пришедший с Ямайки после ремонта. Вернон был очень рад этой встрече. Он высоко ценил командира фрегата Чарльза Ноулза, которому поручал наиболее ответственные и важные задания. (Именно Ноулз в ноябре – декабре прошлого года руководил минированием и подрывом фортов Порто-Бело).

Своим следующим объектом нападения Вернон избрал небольшой испанский городок Чагрес, расположенный в нескольких милях к западу от Порто-Бело, в устье реки с тем же названием, и служивший базой гуарда-косты, ее штаб-квартирой. Адмирал вознамерился разорить это осиное гнездо. Сама река Чагрес также имела большое значение. В своем верхнем течении она пересекала дорогу Панама – Порто-Бело. То есть, поднявшись вверх по реке на лодках, можно было спокойно выйти к Панаме. (Именно этим путем в 1671 году воспользовался Генри Морган для нападения на Панаму). До XVIII века Чагрес также служил в качестве дополнительного пункта, куда доставлялись сокровища из Панамы. Вход в устье реки охранял форт Сан-Лоренцо, выстроенный заново, после того как Морган сжег его.

Адмирал приказал Ноулзу отправиться к Чагресу и блокировать город, чтобы не допустить ухода стоявших там судов. В ожидании основных сил эскадры Ноулз должен был произвести осмотр форта и составить диспозицию для его наилучшего обстрела.

Ветер был попутный и вскоре “Diamond” и сопровождавшие его брандер “Success” и один из тендеров предстали перед приземистыми стенами форта Сан-Лоренцо с реявшим над ним испанским флагом. Форт был воздвигнут на правом берегу устья реки, на высоком мысу, выступающим далеко в море. За фортом у подножия холма, на котором он стоял, располагался сам городок Чагрес.

В тот день в устье реки, превращенном природой в небольшую, но очень удобную бухту, было пусто, если не считать два корабля береговой охраны, притулившихся к причалу у здания таможни.

Капитан Ноулз с присущей ему инициативой и энергией взялся за выполнение порученного задания, совершая промеры глубин в непосредственной близости от замка, часто под огнем его пушек. Когда 2 апреля к Чагресу подошел “Norwich” с малыми судами, (Вернон с главными силами задержался в Порто-Бело), все работы были завершены и диспозиция составлена.

В 3 часа дня после ознакомления капитанов с диспозицией на «Норидже» взвился сигнал атаки. Ричард Герберт первым подвел свой корабль под стены форта, отвлекая на себя внимание испанских канониров. Недалеко от него занял позицию “Diamond”, оставленный Ноулзом на попечение своего первого лейтенанта. Сам же он на брандере “Success” под огнем против-

[18] Они должны были оставаться у Картахены а течении 20 дней, затем идти на соединение с эскадрой.

ника вошел в бухту, ведя за собой бомбардирские корабли. Завязалась ожесточенная артиллерийская перестрелка.

Поздно вечером к Чагресу подошли “Strafford”, “Falmouth” и “Princess Louisa”. Сгустившиеся сумерки не позволили им занять свои огневые позиции и принять участие в обстреле форта. А потому они вынужден были встать на якорь немного мористее в ожидании утра.

На рассвете все три корабля путем верпования подтянулись ближе к берегу и включились в увядшую было за ночь перестрелку. Обстрел форта продолжался еще более суток. Лишь 4 апреля в 11 часов утра, исчерпав все возможности к сопротивлению, испанцы вывесили белый флаг.

В 2 часа дня на борту “Strafford” комендант форта Хуан Карлос де Зеваллоса подписал условия капитуляции, составленные Верноном. После этого Чарльз Ноулз во главе 120 матросов, набранных с разных кораблей, высадился на берег, чтобы взять под охрану форт и таможню. Весь найденный на складах таможни товар: какао, хина, шерсть, столовое серебро и другие ценности – всего на сумму 70 тысяч ф. ст. – было переправлено на суда эскадры, так же как и 11 медных пушек. Два шлюпа гуарда-косты были потоплены, так как оказались слишком стары и были непригодны для службы.

8 апреля опустевшие склады таможни были наполнены горючим материалом и подожжены. Огонь полыхал всю ночь, отражаясь в черных водах реки, откуда предварительно были выведены все британские суда, за исключением тендера, который должен был прикрывать отход гарнизона.

Капитан Ноулз между тем закончил закладку мин под стены форта. 9 апреля утром над бастионами Сан-Лоренцо прогремело несколько мощных взрывов, превративших его за считанные секунды в живописные развалины.

Удовлетворенный проделанной работой, Вернон на следующий день покинул Чагрес.

В Порто-Бело, назначенным местом сбора кораблей эскадры, к нему присоединились “Windsor” и “Greenwich”, вернувшиеся из крейсерства с ценным «призом»[19]. 14 апреля с Ямайки подошел “Burford”, прежний флагман Вернона, закончивший, наконец, свой ремонт. Из корреспонденции, доставленной им, Вернон узнал, что два испанских корабля с вице-королем Новой Гранады на борту направляются с Пуэрто-Рико в Картахену.

Информация, полученная Верноном, соответствовала действительности. Упомянутые в письме суда были кораблями флота Его Католического Величества “Galicia” (70) и “San Carlos” (66).

Они вышли из Ферроля еще 16 октября прошлого года, имея на борту, помимо различных военных грузов, 700 солдат для усиления гарнизона Картахены, и нового вице-короля Новой Гранады дона Себастьяна де Эславу.

Их плаванье оказалось нелегким. Потрепанные зимними штормами, корабли достигли Пуэрто-Рико 16 декабря с экипажами, страдающими от цинги, от которой умерло более 150 человек. В Сан-Хуане “Galicia” и “San Carlos” простояли почти 4 месяца, приводя себя в порядок и пополняя за счет местных кадров свои экипажи. Здесь дон Себастьян узнал об объявлении Англией войны и о том, что в Карибах активно действует британская эскадра.

Закончив все приготовления, и положившись на волю Божью, оба корабля продолжили плаванье и 21 апреля бросили якорь в обширной бухте Картахены под защитой ее фортов.

Если бы “Windsor” и “Greenwich” продолжили свое крейсерство, они наверняка встретились бы с ними, и не известно еще, для кого эта встреча оказалась бы роковой.

А 3 мая жители Картахены вновь могли лицезреть перед стенами своего города британскую эскадру. Это была запоздалая реакция адмирала Вернона на полученное в Порто-Бело

[19] Французский шлюп, везший в Картахену смолу, дёготь, муку.

сообщение. Он всеми силами стремился перехватить эти два корабля, чтобы не допустить получение городом военных запасов и подкреплений. Заманчиво было также взять в плен самого вице-короля Новой Гранады. И не его была вина в том, что он не преуспел в этом своем намерении. Слишком много было потрачено времени на борьбу с противными восточными ветрами, из-за которых небольшой, в сущности, переход занял больше двух недель.

Эта неудача обескуражила адмирала. Все его усилия оказались напрасны. Дальше оставаться здесь не имело смысла, и 6 мая эскадра подняла паруса и взяла курс на Ямайку.

Прибывшие из Ферроля корабли остались в Картахене. Теперь в распоряжении дон Бласа де Лезо было целых 5 линейных кораблей: “Africa”(64), “Conquistador”(64), “Dragon”(60), “Galicia”(70) и “San Carlos”(66), а также 2 шлюпа и бриг.

В Гаване базировались “Santiago”(60) и “Europa”(64), а также перешедшие туда с началом войны из Веракруса “San Juan Bautista”(60) и фрегат “Bizaro”(50).

И это были все силы, которыми обладала Испания в Вест-Индии, в столь важном для нее районе мира. Правда, с начала войны в Карибах появилась целая флотилия приватиров. Их небольшие хорошо вооруженные суда, а также уцелевшие корабли гуарда-косты, как волки рыскали среди островов в поисках добычи, чем доставляли массу хлопот англичанам.

Торговцы из Британии и из Северо-Американских колоний, направлявшиеся в Вест-Индию, или возвращавшиеся оттуда домой, должны были собираться в караваны, которые сопровождались на всем пути их следования военными кораблями. С Ямайки в Англию подобные конвои отправлялись каждые полтора – два месяца. В июне очередной такой караван предстояло вести любимцу Вернона Чарлзу Ноулзу на фрегате “Diamond”.

Преобладание в Карибском море восточных ветров предопределило маршруты, которыми мореплаватели могли тогда воспользоваться для возвращения в Европу. Их было два. Первый маршрут пролегал через Наветренный пролив, разделявший Кубу и Эспаньолу. Второй вел вокруг западной оконечности Кубы и далее через Флоридский пролив.

Казалось бы, второй маршрут был гораздо менее естественным, так как он был не только более длинным, но и более опасным, ибо значительную часть пути пришлось бы идти вблизи кубинского берега, где торговцев могли подстерегать приватиры. В действительности, однако, очень часто это был наиболее подходящий, если не единственно возможный путь. В Наветренном проливе суда, идущие в Европу и Северную Америку, часто встречали противные ветры, побороть которые не всегда было возможно. Если же корабли выбирали второй маршрут, то восточные ветры помогали им быстро достичь западной оконечности Кубы, мыса Антонио. За ним мореплавателей подхватывали благоприятные береговые ветры и течение Гольфстрим, которые через Флоридский пролив выносили их в океан.

Вот этим кружным путем повел свой караван, состоявший из 25 судов, и капитан Ноулз. На усиление ему Вернон выделил фрегат “Torrington”, который сопровождал Ноулза до его выхода в Атлантику. После чего их пути разошлись. “Torrington” вернулся через Наветренный пролив на Ямайку, а конвой устремился на северо-восток, стараясь, как можно быстрее, затеряться на океанских просторах.

Нападение англичан на Флориду

Получив от правительства «добро» на вторжение во Флориду и обещание поддержать предприятие кораблями-стационерами из северо-американских колоний, генерал Оглторп совместно с губернатором Южной Каролины, который увлекся его идеей, взялся за подготовку экспедиции.

Был сформирован корпус из 500 пехотинцев 42-го полка, 400 волонтеров из числа колонистов и 500 индейцев. Южная Каролина выставила еще 400 волонтеров. Поддержку с моря должна была обеспечить эскадра коммодора Винсента Пирса, состоявшая из 5 фрегатов и 3 шлюпов[20].

Во Флориде Испания имела только один более-менее крупный город: Сан-Агустин (ныне Сент-Огастин), который был основан еще в 1565 году и насчитывал полторы тысячи жителей. Большую же часть полуострова по-прежнему занимали индейцы, чья численность после знакомства с европейцами стремительно сокращалась из-за завезенных ими болезней, к которым у индейцев не было иммунитета. И только многочисленные католические миссии в индейских селениях поддерживали здесь испанское присутствие.

К 20 мая назначенные в экспедицию войска собрались возле устья реки Сент-Джонс, в 35 милях от Сан-Агустина. На следующий день начался марш. Первым на пути англичан оказался форт Сан-Френсис-де-Пупа с гарнизоном в 13 человек. Он не посмел оказать сопротивление. Без единого выстрела сдался и более крупный форт Сан-Диего с гарнизоном в 57 человек. Здесь Оглторп сделал остановку в ожидании контингента из Южной Каролины.

Сан-Агустин лежал в глубине небольшой бухты, вход в которую защищал форт Сан-Маркос (Кастилло-де-Сан-Маркос). С севера со стороны суши форпостом городу служил форт Муса (Moosa). Длинный, узкий остров Святой Анастасии, протянувшийся вдоль американского побережья, прикрывал его со стороны океана. Попасть в город с моря можно было или через пролив Сан-Себастьян, обогнув остров с севера, или через пролив Матанзас, лежавший к югу от острова. Путь через Сан-Себастьян был гораздо короче южного пути, который проходил через узкую протоку (реку), отделявшую остров Святой Анастасии от материка.

Первый британский корабль, фрегат “Squirrel”, появился у пролива Сан-Себастьян в конце апреля. Шесть испанских полугалер, находившиеся в Сан-Агустине, вышли было ему навстречу, но атаковать не решились. 9 мая “Squirrel” захватил испанский шлюп, шедший в Сан-Агустин, и не ожидавший встретить здесь англичан. Позднее к “Squirrel” присоединились шлюпы “Wolf” и “Spence”, а также фрегат “Hector”. Остальные суда Пирса сопровождали сухопутные войска, следуя за ними вдоль берега.

Губернатор Флориды Мануэль де Монтиано направил в Гавану с известием о нападении англичан посыльное судно, которое для выхода в океан воспользовалось южном проходом, счастливо уклонившись от встречи с одиноким британским кораблем, стоявшем в проливе Матанзас.

31 мая при приближении англичан гарнизон покинул форт Муса, не оказав ни малейшего сопротивления. В форте Оглторп оставил сильный отряд из 120 волонтеров из Южной Каролины и 30 индейцев под командой полковника Палмера.

Остальные волонтеры и индейцы во главе с полковником Ван-дер-Дассеном были перевезены на судах на противоположный берег бухты Сан-Агустина, чтобы с южной стороны блокировать город.

Сам Оглторп со своим полком и индейцами высадился на острове Святой Анастасии, где возвел для обстрела города и замка артиллерийскую батарею. Но пушки на ней, в том числе и снятые с кораблей, были слишком малых калибров, чтобы причинить замку существенный вред, да и дистанция ведения огня была предельной. (Осадных орудий у Оглторпа попросту не было). Сами же британские корабли не могли принять участие в обстреле форта, так как они не отважились подойти достаточно близко к городу, без риска сесть на мель.

На рассвете 26 июня испанцы произвели вылазу на форт Муса. Внезапная атака увенчалась успехом. Испанцы вновь овладели фортом, перебив большую часть его гарнизона, состояв-

[20] “Flamborough”(20), “Hector”(40), “Squirrel”(20), “Tartar”(20), “Phoenix”(20), “Spence”(8), “Wolf”(8), “Hawke”(8).

шего в основном из волонтеров. (68 человек было убито, 34 взято в плен). Полковник Палмер, не сумевший организовать должным образом оборону форта, также оказался в числе убитых.

7 июля вернулся курьер, отправленный в Гавану, с сообщением, что транспорты с продовольствием и военными припасами прибыли с Кубы и находятся в бухте Москито-Инлет[21], на юге Флориды.

Монтиано направил туда свои полугалеры, благо проход Мантанзас был открыт. Приняв с транспортов их груз, полугалеры тем же путем направились обратно. Однако на этот раз их встретили у входа в пролив два британских шлюпа, которые сразу же открыли по ним огонь. Только благодаря слабому неустойчивому ветру, который практически обездвижил британские суда, полугалерам удалось проскочить мимо них, получив при этом некоторую порцию ядер.

Разгрузившись, полугалеры приняли участие в обороне города. Они заняли такую позицию, что своим метким огнем наносили англичанам чувствительный урон. На просьбу Оглторпа атаковать полугалеры ночью на шлюпках Пирс ответил отказом, так как посчитал, что это слишком рискованно.

С подвозом продовольствия всякая надежда взять Сан-Агустин измором пропала. На штурм англичане не решались. Продолжать блокаду было бессмысленно. 20 июля Оглторп, страдавший от болотной лихорадки, отдал приказ сворачивать лагерь и возвращаться домой. Приближался сезон ураганов. Необходимо было спешить. На этом особенно настаивал коммодор Пирс, опасавшийся за свои корабли. Из-за спешки орудия на острове Святой Анастасии пришлось бросить, что делало уход англичан похожим на бегство.

[21] Современный залив Понсе де Леон.

Глава 6

Действия средиземноморской эскадры

Известие об объявлении войны достигло вице-адмирала Гэддока 13 декабря 1739 года со шлюпом “Fox”. Вместе с тем он получил новые инструкции, которые предписывали ему продолжать вести блокаду Кадиса, но при этом не забывать и о Менорке, за чью безопасность он отвечал. От намерения уйти на зимовку в Маон, как более приспособленный для этого порт, пришлось отказаться. Было невозможно блокировать Кадис из столь отдаленного места.

Линейные силы эскадры, которые по состоянию на октябрь-месяц включали в себя 15 кораблей[22], оставались в Гибралтаре. Малые суда – 8 фрегатов[23], 3 брандера (“Mercury”, Ann”, “Duce”), бомбардирский корабль и шлюп – по большей части базировавшиеся в Порт-Маоне, занимались в основном проводкой торговых караванов и борьбой с приватирами. Но их было явно недостаточно, чтобы успешно справляться со своими задачами, а потому к конвойной службе нередко привлекались и 50-пушечные корабли.

Относительная близость Гибралтара позволяла британскому адмиралу не держать в море сразу все корабли, а организовать среди них посменное несение службы. Пока одни суда находились в море, другие отстаивались в гавани, приводя себя в порядок, и пополняя запасы воды и продовольствия.

Но помимо мелкого ремонта корабли, проведшие много месяцев в море, нуждались в очистке днищ, в килевании, операции довольно сложной и трудоемкой. В Гибралтаре подобную операцию, особенно на линейных кораблях, из-за отсутствия необходимого оборудования и материалов провести было сложно. Имелись также проблемы, связанные с медициной. На судах эскадры было много больных, госпиталь же на берегу был слишком мал, чтобы принять их всех. В своих отчетах Гэддок неоднократно напоминал руководству о необходимости расширения госпиталя, но все оставалось пока по-прежнему. Адмиралтейство, вместо того, чтобы развивать инфраструктуру порта, пыталось проводить ротацию кораблей эскадры, присылая из Англии свежие корабли в обмен на те, что нуждались в чистке. Но делалось это не регулярно, от случая к случаю, и поэтому количество «грязных» кораблей было много.

Ближайшим местом, где можно было качественно провести килевание судов, был Порт-Маон на Менорке. А оттуда приходили все более тревожные известия.

Губернатора острова весьма тревожили слухи о значительных военных приготовлениях, ведшихся в Каталонии. Эти слухи множились, обрастая все новыми подробностями. Губернатор не сомневался, что испанцы готовят высадку десанта на Менорку. Малочисленный гарнизон Порт-Маона не мог служить надежной защитой острову, безопасность которого основывалась исключительно на присутствии в его водах британских военных кораблей.

Понимая, что король и нация не простят ему потери Менорки, Гэддок решился пойти на разделение своей эскадры. Прибытие из Англии в конце января на замену пяти «чистых» кораблей[24], только облегчили ему принятие такого решения. Оставив Чалонера Огла с большей частью эскадры у Кадиса, сам он с 6 линейными кораблями, наиболее нуждавшимися в чистке, 22 февраля вошел в Средиземное море.

---

[22] 80-пушечные: “Somerset”, “Lancaster”. 70-пушечные: “Berwick”, “Edinburgh”, “Ipswich”.60-пушечные: “Augusta”, “Pembroke, “Jersey”, “Dragon”, “Canterbury”, “Plymouth”.50-пушечные: “Oxford”, “Gloucester”, “Falkland”, “Tyger”.

[23] Фрегаты: “Eltham”(40), остальные – “Dolphin”, “Solebay”, “Guarland”, “Aldborough”, “Kennington”, Greyhound” и “Durslay” 20-пушечные. Richmond т1, стр.59

[24] “Prince of Orange” (70), “Lyon” (70), “Superbe” (60), “Sunderland” (60), “Warwick” (50).

По пути в Порт-Маон Гэддок сделал заход в Картахену и убедился, что эскадра де ла Бене (De la Bene) находилась все еще там под защитой береговых батарей. Получила подтверждение и информация о нахождении в Барселоне крупного контингента испанских войск. В качестве перевозочных средств там было собрано большое количество рыбачьих судов самых разных типов и размеров. Хотя адмирал скептически отнесся к их способности произвести сколько-нибудь серьезную десантную операцию, все-таки он выделил два своих корабля с четырьмя малыми фрегатами для крейсерства между Меноркой и каталонским берегом. Остальные 4 корабля он привел в Порт-Маон для ремонта.

В середине марта в Гибралтар из Лондона одна за другой – с интервалом в несколько дней – пришли две инструкции. Вскрыл пакеты на правах старшего контр-адмирал Огл. В первой указывалось на необходимость продолжать крейсерство у Кадиса, с целью не допустить выхода в море стоявшей там испанской эскадры. Напоминалось также, что Гэддок не должен был забывать и о безопасности Менорки.

Казалось бы ничего нового. Такая задача стояла перед Средиземноморской эскадрой с самого начала. Если бы не одно «но». В послании особо подчеркивалось, что защита острова должна была быть ее первейшей обязанностью. Гэддоку разрешалось даже, если он посчитает это необходимым, перевести в Порт-Маон большую часть своих сил[25].

Во второй инструкции говорилось, что британское правительство располагает данными, полученными от голландского посла в Мадриде, о существовании реальной угрозы испанского вторжения на Менорку. Собранные в Каталонии войска якобы «были готовы приступить к немедленным действиям». Подытоживало послание указание, что Средиземноморская эскадра должна принять все возможные меры, чтобы остров не попал в руки испанцев.

Информация из Англии была подтверждена сведениями, полученными Оглом от капитана торгового судна, который сообщил о заготовке на складах в Барселоне в большом количестве разного рода военных запасов и продовольствия, предназначенных для 15-тысячной армии под командой самого генерал-капитана Каталонии Франсиско де Глимеса.

О подготовке транспортных средств для перевозки войск Оглу также было известно. Неизвестно было только, когда они будут пущены в дело. Или уже пущены?

Огл оказался в положении, когда нужно было срочно принять какое-то решение. Никаких сведений от Гэддока у него не было. Нельзя было исключать, что тот, поставив на ремонт часть своих судов, был заблокирован в Порт-Маоне испанской эскадрой, а может быть даже и франко-испанской. Не с проста же ходили слухи, что Франция может в любой момент выступить на стороне Испании. Оглу казалось, что безопасность Менорки во многом зависит сейчас от него, и если он хочет помочь Гэддоку, он должен начать действовать немедленно. Времени на раздумья не было. Первая половина марта уже прошла, и весенние восточные ветры не позволят ему быстро дойти до Менорки.

Под влиянием таких мыслей, и помня указание командования, что главная задача – это удержание Менорки, Огл принимает трудное для себя решение – снять блокаду Кадиса. Но снимая ее, он все-таки оставил 4 корабля во главе с капитаном “Superbe” Херви (Hervey) крейсировать у мыса Сан-Винсенти для наблюдений и перехвата испанских торговцев. Сам же Огл с 6 кораблями 28 марта поспешил на восток на выручку адмиралу Гэддоку.

Между тем Гэддока тоже заботили мысли о французах, точнее об их Тулонской эскадре и о состоянии, в котором она находилась. Рекогносцировка, проведенная в марте капитаном

[25] Richmond, т1, стр.62

Пококком (Pocock) на фрегате “Aldborought”, показала, что хотя в гавани Тулона находились 19 кораблей с числом пушек от 40 и выше, только три из них были готовы для службы.

На основании этих сведений адмирал делал вывод, что у него не было причин опасаться нападения со стороны французов, по крайней мере, в ближайшее время. Испанская эскадра в Картахене была не достаточно сильна, чтобы угрожать ему. Кадисскую эскадру держал в блокаде Огл, и Гэддок полагал, что ситуация находится у него под контролем.

Можно представить поэтому, какие чувства он испытал, когда 9 апреля в бухту Порт-Маона вошли 6 кораблей под флагом контр-адмирала Огла. Последний так торопился, что за 12 дней сумел преодолеть расстояние от Гибралтара до Менорки.

Выслушав объяснения Огла, Гэддок понял, что была совершена чудовищная ошибка. И виной тому была не только дезинформация, умело распространяемая испанцами, но и двусмысленные инструкции из Лондона, которые привели к тому, что блокада Кадиса была, фактически, снята.

Единственное, что можно было еще сделать, это немедленно отправить Огла назад к Кадису. Теплилась какая-то надежда, что испанцы не успели в должной мере подготовить свои корабли и все еще стояли в гавани. Однако с отправкой пришлось повременить. Практически все суда, пришедшие с Оглом, нуждались в ремонте и пополнении запасов продовольствия и воды. Только 27 апреля Огл снова смог выйти в море, да и то только с 4 кораблями. Два других, на которых ремонтные работы затянулись, последовали за ним несколько позже.

Известие о победе Вернона

24 марта 1740 года на Спитхедский рейд в Портсмуте вошло судно, парусное вооружение и оснастка которого говорили о его небританском происхождении. Даже Юнион-Джек, поднятый на мачте незнакомца, не мог ввести в заблуждение опытных моряков.

И они не ошиблись. Это был корабль испанской береговой охраны, тот самый, на котором капитан Рентон повез рапорт Вернона о захвате Порто-Бело.

Новость о невероятном успехе Вернона была встречена в Англии бурей радости и восторга. Во всех крупных городах прошли шумные торжества с фейерверками, иллюминацией, пушечным салютом и колокольным звоном. Обе палаты парламента поздравляли короля со славной победой его флота. Вернон стал национальным героем. В честь славной победы была выпущена памятная медаль.

Сторонники более радикальных действий, обвиняя правительство в нерешительности, сокрушались, что адмирал не имел возможности удержать в своих руках Порто-Бело. Они требовали исправить положение, отправив на Ямайку крупные военные силы, которые могли бы развить достигнутый успех.

Многие в высших кругах Британии, ослепленные неожиданно легкой победой, не желали больше довольствоваться простыми разрушительными набегами на прибрежные города. Они жаждали захватов и аннексий, надеясь вырвать из колониального ожерелья одряхлевшей испанской монархии самые богатые и дорогие бриллианты.

После долгих споров на Тайном Совете было решено не распылять силы на мелкие предприятия, а отправить крупный экспедиционный корпус в Вест-Индию, где находились наиболее важные испанские колонии и, где можно было достигнуть наибольшего успеха. В связи с этим уже готовая к отплытию манильская экспедиция была отменена.

Первому лорду адмиралтейства Чарльзу Уэйджеру удалось отстоять лишь экспедицию в Южное море. Правда, о захвате Лимы, как планировалось в начале, пришлось отказаться. Теперь отправлявшаяся в Южное море экспедиция должна была, помимо нападений на чилийские и перуанские города, лишь содействовать адмиралу Вернону в захвате Панамы. Выпол-

нив свою основную задачу, экспедиция могла затем отправиться к Филиппинам и попытаться перехватить галеон из Акапулько.

Георг II одобрил решение своих министров, высказав пожелание, чтобы в Южное море были отправлены корабли, которые ранее предназначались для манильской экспедиции.

Для действий в Вест-Индии решено было создать экспедиционный корпус, в который должны были войти 2 пехотных полка (15-й и 24-й линейные) и 4 полка морской пехоты, находившиеся еще на стадии формирования. Командиром корпуса был назначен генерал-майор лорд Кэткарт.

Все 6 полков для предотвращения дезертирства были помещены в лагеря на острове Уайт, в Ла-Манше, где им предстояло находиться до погрузки на транспорты.

Захват испанского корабля “

Princesa
”

Командующий Кадисской эскадрой генерал-лейтенант Мануэль Лопес Пинтадо не поверил своим ушам, когда ему сообщили о том, что большая часть английской эскадры ушла из Гибралтара и, что маячившие у Кадиса неприятельские корабли простые наблюдатели, за которыми нет реальной силы. Пинтадо не мог не воспользоваться таким подарком судьбы.

30 марта часть стоявших в Кадисе кораблей, а именно: 8 линейных, фрегат и два пакетбота[26], не спеша вышли из бухты. Сформировав кильватерную колонну, они взяли курс на юго-запад, показывая английским наблюдателям намерение идти в Вест-Индию.

А за день до этого вышла в море Феррольская эскадра из 11 судов, которой также некому было помешать. Адмирал Норрис неоднократно указывал на необходимость взять под контроль Ферроль и другие северные порты, откуда испанцы могли послать подкрепления в Вест-Индию. Однако правительство не вняло тогда советам адмирала из-за трудности осуществления морской блокады Ферроля в условиях зимы.

Гораздо проще, дешевле и выгоднее было перехватывать корабли, перевозящие сокровища Нового Света в Испанию. Так, когда 5 апреля была получена информация, что 2 галеона из Буэнос-Айреса возвращаются домой, груженые серебром, в Портсмут в тот же день полетел приказ на их перехват. Премьер-министр, демонстрируя свои воинственные намерения, заявил, что он надеется увидеть галеоны, приведенными в Темзу.

Уже 9 апреля 3 70-пушечника – “Orford”, “Lenox” и “Kent” – во главе с капитаном Ковиллом Мэйном (Covill Mayne), которым не нужно было много времени для своей подготовки, вышли из Портсмута, направившись в крейсерство к берегам испанской Галисии. Немного позднее к выходу в море были подготовлены еще два корабля: “Rippon”(60) и “St. Albans”(50), которые вместе с Мэйном должны были принять участие в охоте на галеоны.

В то же самое время Тайный Совет, наконец, осознал необходимость если уж не блокировать Ферроль, то, по крайней мере, взять его и другие порты северной Испании под плотное наблюдение. Эта задача была возложена на вице-адмирала Джона Бэлчена. Последнему были даны 5 кораблей[27] (первоначально планировалось 6), с которыми он 20 апреля вышел в море. Позднее, после завершения своей миссии, к Белчену должны были присоединиться корабли Мэйна, так что наблюдательная эскадра увеличилась бы до 10 кораблей.

---

[26] “San Isidoro”(70), “Asia”(60), “San Antonio”(60), “Andalucia”(60), “Real Familia”(60), “Nueva Espana (64), “San Luis”(64), “Fuerte”(64), “Griega”(30), “Jupiter”(16), “Mars”(16).

[27] “Russell”(80), “Boyne”(80), “Norfolk”(80), “Grafton”(70), “Deptford” (60).

Три 70-пушечника Мэйна, придя на место, почти две недели кружили по морю, напряженно всматриваясь в даль, и терпение их было вознаграждено.

9/20 апреля, около 9 часов утра, когда стлавшийся над морем туман рассеялся, с марса «Орфорда» увидели большое трехмачтовое судно. Две светлые линии вдоль бортов красноречиво свидетельствовали о том, что это был двух-дечный линейный корабль. Оставалось только выяснить – чей?

Капитан «Орфорда» лорд Фитцрой поднял сигнал погони и первым, прибавив парусов, помчался на перерез неизвестному судну. «Ленокс» и «Кент», не медля ни минуты, последовали его примеру. На корме незнакомца в ответ на недвусмысленный маневр британских кораблей появился французский флаг. Но бурбонские лилии, выставленные на показ, не заставили англичан отказаться от своего намерения.

Видя это, незнакомец, до того невозмутимо шедший своим курсом, резко отвернул в сторону и, поставив все возможные паруса, пустился наутек. Странное поведение «француза» лишь укрепило англичан во мнении, что он вовсе не тот, за кого себя выдает. Началась погоня.

Свежий ветер усердно наполнял паруса всех четырех кораблей, грациозно накренившихся в своем беге на подветренный борт. Снасти, натянутые как струны, гудели от напряжения. Дубовые форштевни, увенчанные резными фигурами, с яростью вспарывали набегавшие волны, поднимая перед собой пенные буруны.

«Француз» проиграл состязание в скорости. К 10.30 «Орфорд», значительно опередивший своих товарищей, приблизился к неизвестному судну на пушечный выстрел. В этот момент украшенный золотистыми лилиями флаг, поднятый над палубой беглеца, медленно сполз вниз, уступив свое место белому полотнищу с гербом испанских Бурбонов[28].

Никакие условности больше не сдерживали английского капитана, и носовые орудия «Орфорда» были приведены в действие. «Испанец» – это был 74-пушечный линейный корабль “Princesa” – отвечал из кормовых пушек.

Вскоре одиночные выстрелы, гремевшие над морем, сменились бортовыми залпами, скрывшими противников за пеленою дыма. Только тогда британский капитан понял, как опрометчиво он поступил, в одиночку атаковав «испанца». Огонь неприятельского корабля был значительно сильнее и действеннее огня его собственного судна, благодаря более мощной артиллерии, установленной на нем.

Вооружение «Принцессы» состояло из 24-фунтовых пушек – на нижнем деке, 18-фунтовых – на верхнем, и 8-фунтовых – на квартердеке и баке, тогда как у англичан на соответствующих палубах стояли: 24-, 12- и 6-фунтовые пушки. К тому же довольно сильное волнение, поднявшееся на море, не позволяло «Орфорду» в полной мере использовать орудия нижнего дека, так как пушечные порты захлестывало водой. Высокобортная «Принцесса» таких неудобств не испытывала, безбоязненно держа открытыми порты нижней батарейной палубы.

Фитцрою пришлось бы туго, если бы ему на помощь не подоспел капитан Мэйн на «Леноксе», открывший по «испанцу» огнь из своих погонных пушек. Их ядра безжалостно крошили богатые кормовые украшения «Принцессы», которая к тому времени уже потеряла свою фор-стеньгу и лишилась возможности маневрировать. Чуть позже в сражение вступил «Кент», зайдя испанскому кораблю с левого борта, и поставив его, таким образом, «в три огня». «Принцесса» яростно отстреливалась во все стороны, продолжая медленно продвигаться вперед на изодранных парусах.

---

[28] Флаги различных ветвей дома Бурбонов, царствовавших во Франции, Испании, Неаполе, имели общий фон – белый, и отличались друг от друга гербом. (Французский флаг был еще испещрен лилиями). Это было крайне неудобно при распознавании кораблей в море. Используемый ныне трехполосный красно-желтый флаг был принят в 1785 году.

Более всех от испанских ядер пострадал «Орфорд». Получив сильные повреждения в такелаже и оснастке, он вынужден был после полудня выйти из боя и лечь в дрейф для приведения себя в порядок.

Между тем «Ленокс» обогнал «Принцессу» со стороны освободившегося правого борта и, зайдя ей с носа, подверг противника губительному продольному огню. Его действие было подобно смерчу, который сметал с палубы испанского корабля все, что встречалось на его пути. Грот- и бизань-мачты, обрывая снасти, одна за другой рухнули в море, увлекая за собой находившихся на них людей.

Потеряв способность двигаться, «Принцесса» отбивалась от наседавших противников, словно, надеясь на какое-то чудо. Ее ослабевший огонь, напоминавший предсмертный рык израненного зверя, заставлял английских канониров снова и снова заряжать свои орудия и наводить их на исковерканный корпус испанского корабля.

Около 4-х часов дня «Орфорд», кое-как исправив повреждения и обретя возможность управляться, подтянулся к месту сражения. «Принцесса» – без мачт, с развороченной кормой и опаленными бортами – представляла собой жалкое зрелище, но из ее недр все еще вырывались снопы убийственного огня.

Новый шквал ядер и картечи, обрушившийся на обреченное судно, сделал свое дело. Команда «Принцессы», до последней возможности дравшаяся с противником, вывесила белый флаг. Но прошло некоторое время, прежде чем он был замечен с британских кораблей и стрельба прекратилась.

Над морем еще висели клубы порохового дыма, а к истерзанному судну уже спешила, подпрыгивая на волнах, шлюпка с «Орфорда». К возмущению Ковилла Мэйна лорд Фитцрой, поднявшись на заваленную мертвыми телами и обломками рангоута палубу, принял у испанского капитана Пабло Агустино де Агирро его шпагу, совершенно забыв о субординации.

На «Принцессе» было 33 убитых и около сотни раненых. Англичане также имели значительные потери. «Орфорд» и «Кент» не досчитались по 8 человек, «Ленокс» – одного. Раненых на всех трех кораблях набралось более 40 человек. Среди них был капитан «Кента» Томас Дюрелл, которому ядром оторвало руку.

«Принцессу», пленившие ее суда, также жестоко пострадавшие во время боя, 8 мая привели в Англию и после ремонта она вступила под прежним именем в состав британского флота, став одним из лучших кораблей в своем классе.

“Princesa” оказалась одним из кораблей Феррольской эскадры, который во время шторма отстал от своих, потеряв часть такелажа, и продолжал плаванье в одиночку, пока не наткнулся на англичан. Настоящим же галеонам снова удалось ускользнуть от британцев. И случилось это главным образом благодаря тому, что островитяне не успели, как и в прошлый раз, расставить в полном объеме свои охотничьи сети. Ибо уже 15 апреля оба галеона – а это были “Hermiona”(56) и “San-Esteban”(50) – благополучно пришли в Сантандер, лишив Уолполя, его министров, да и всех лондонцев удовольствия лицезреть их с берегов Темзы.

Адмирал Бэлчен, прибыв к берегам Галисии, также включился в охоту на серебряные галеоны, не зная, что они давно уже стоят в безопасной гавани. Параллельно он старательно собирал информацию о феррольской эскадре, останавливая в море торговцев, как своих, так и нейтралов, и заглядывая в испанские порты. Но у него не было никакой возможности узнать о состоянии дел в хорошо защищенной, глубоко врезающейся в сушу бухте Ферроля.

Похоже, Бэлчен не успел в должном виде организовать блокаду порта, или погодные условия этому воспрепятствовали. Так или иначе, но испанские эскадры, соединившись в море, 27 апреля беспрепятственно вернулись в Ферроль, и Бэлчен этого даже не заметил, видимо, увлеченный поисками «галеонами из Буэнос-Айреса».

В Лондон сведения о противнике приходили с большим опозданием. Так английское правительство узнало об уходе испанских кораблей из Кадиса только 21 апреля. А о том, что Феррольская эскадра также покинула свою базу, в Лондоне стало известно и того позже, 28 апреля, то есть когда обе эскадры уже стояли в Ферроле.

Английское правительство пребывало в явной растерянности от такой неожиданной активности Испании, которая, взяв инициативу в свои руки, навязывала Лондону свои условия игры. Отсюда запоздалые, порой противоречивые приказы, которые в огромном количестве плодил Тайный Совет, стараясь отреагировать на очередные шаги, предпринятые противником.

На берегах Темзы, не зная о прибытие неприятельских эскадр в Ферроль, полагали, что они направились в Вест-Индию.

Вице-адмиралу Гэддоку было приказано отправить Чалонера Огла с 10-ю линейными кораблями на Ямайку, на усиление Вернона.

Не успел этот приказ дойти до адресата, как поступила новая информация, как всегда с большим опозданием. 8 мая стало известно, что испанские эскадры не пошли в Вест-Индию, а бросили якорь в Ферроле.

Это создавало угрозу уже для самой Британии. Опасность испанского вторжения на острова не казалась такой уж иллюзорной.

В связи с этим трансатлантический переход Огла пока отменялся. Наоборот, теперь ему предписывалось с теми же 10-ю кораблями возвращаться в Англию.

Бэлчену так же был направлен приказ о возвращении домой, так как пребывание 7 его кораблей[29] вблизи Ферроля, где собралось не менее 20 испанских судов, представлялось опасным.

Но Пинтадо слишком долго медлил с выходом в море, чтобы напасть на английскую эскадру с превосходящими силами. Когда же он, наконец, сделал это, англичан поблизости не оказалось. Бэлчен 13 мая оставил свою стоянку и отошел на север до широты 46 градуса. Поиски не дали результатов, и незадачливый адмирал вернулся на базу ни с чем. За нерешительность и медлительность в действиях Пинтадо был отстранен от командования эскадрой и заменен более энергичным адмиралом Родриго де Торессом.

На тот момент в Ферроле в боеготовом состоянии находились 18 линейных кораблей.

Это были 4 корабля, снаряженные непосредственно здесь: “San Felipe”(80), “Principe”(70), “Reina”(70) и “Santa Ana”(70);

8 кораблей Кадисской эскадры: “San Isidoro”(70), “Asia”(60), “San Antonio”(60), “Andalucia”(60), “Real Familia”(60), “Nueva Espana (64), “San Luis”(64), “Fuerte”(64);

4 корабля, приведенные Писсаро из Гаваны: “Leon”(70), “Guipuzcoa”(64), “Castilla”(60) и “Esperanza”(50);

2 корабля, пришедшие из Рио-де-ла-Платы: “Hermiona”(56) и “San-Esteban”(50).

[29] К Бэлчену присоединились корабли “Rippon” (60) и “St. Albans” (50).

Глава 7

Дипломатическая борьба.

Испано-французские переговоры о союзе

В Мадриде полностью отдавали себе отчет в том, что собственными силами им с Британией не справиться. Когда испанцы отказались исполнять, заключенную в Пардо конвенцию, они, прежде всего, надеялись на поддержку Франции. Фамильные узы, которые связывали оба королевских дома, давали тому повод. Король Испании Филипп V и французский монарх Людовик XV оба были из рода Бурбонов.

С мая 1738 года между Францией и Испанией в глубокой тайне велись переговоры о тесном союзе двух бурбонских держав. Правда переговоры эти продвигались вперед очень медленно и фактически зашли в тупик из-за нежелания мадридского двора пойти на некоторые уступки Версалю.

Нерешительный и ленивый Филипп V, не испытывавший тяги к занятиям государственными делами, во всем полагался на своих министров, которыми верховодила его супруга Элизабет Фарнезе, урожденная принцесса Пармская. Она была второй женой Филиппа. Первая его жена – Мария Луиза, дочь сардинского короля – умерла в феврале 1714 года. В декабре того же года Элизабет стала королевой Испании.

Обладая сильным и властным характером, она быстро поставила под каблук своего безвольного супруга, хотя и была на 9 лет младше его. Элизабет открыто вмешивалась в управление страной, влияя на принятие важных государственных решений. Во многом по ее вине не было достигнуто соглашения с Англией, из-за ее упрямства никак не могли договориться и о союзе с Францией. Склочная и сварливая, Фарнезе с друзьями торговалась так же тяжело, как и с врагами.

В Версале хотели добиться от Испании подписания нового коммерческого трактата, который предусматривал бы установление некоторых льгот для французских торговцев в колониях его католического величества.

Первый министр Людовика XV, 87-летний кардинал Андрэ-Эркюль де Флёри, с 1726 года возглавлявший правительство Франции, всячески содействовал развитию торговли и промышленности, видя в них источник к богатству и процветанию государства. Новый трактат с Испанией, за который он так ратовал, был бы еще одним важным шагом в этом направлении.

Чтобы побудить Мадрид пойти навстречу, Флёри связал заключение военного союза, весьма желаемого испанцами, с подписанием торгового соглашения. Кардинал рассматривал его, как плату, которую более слабая Испания должна была внести за альянс с Францией. Флёри убедил в правильности такого подхода и своего государя, Людовика, привыкшего во всем ему доверять и особо не вмешивавшегося в деятельность правительства. Но при дворе Филиппа упорно желали оставить все, как есть.

Даже после начала войны с Англией, Элизабет Фарнезе не шла ни на какие уступки в вопросе о коммерческом трактате. Она была уверена, что, когда в Версале увидят Испанию в затруднительном положении, Франция и так придет ей на помощь, безо всяких условий.

Королева просчиталась. Первый громкий успех англичан в Вест-Индии, так напугавший Мадрид, казалось, оставил Флёри совершенно равнодушным. Во всяком случае, каких-либо заметных действий в пользу Испании он не предпринял.

Опытный политик и интриган, отличный психолог, кардинал рассчитал все точно. Жадность королевы, которая столько времени не давала прийти к соглашению, теперь работала на него. Узнав о подготовке в Англии новой экспедиции в Вест-Индию, Фарнезе забила тревогу. Страх потерять больше сделал ее сговорчивее. Французские требования уже не казались ей такими уж неприемлемыми. Королева готова была пойти на уступки, лишь бы Франция поскорее показала себя на стороне Испании.

Переговоры о коммерческом трактате и союзе между двумя бурбонскими дворами были возобновлены. Добившись своего, кардинал Флёри, цепко державший в своих старческих руках кормило государственной власти, отдал распоряжение морскому министру, графу Морепа, приступить к вооружению флота. Он ни в коем случае не хотел допустить разгрома Испании.

Конечно, французский флот по своей силе не шел ни в какое сравнение с британским флотом. Он был лишь жалкой тенью флота времен Людовика XIV, который претендовал когда-то на морское господство. Война за Испанское наследство сильно подорвала его мощь, и после Утрехтского мира он представлял собой весьма жалеое зрелище. Немногие оставшиеся военные корабли, в том числе и 100-пушечные, без дела гнили в своих гаванях, так ни разу больше и не выйдя в море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.